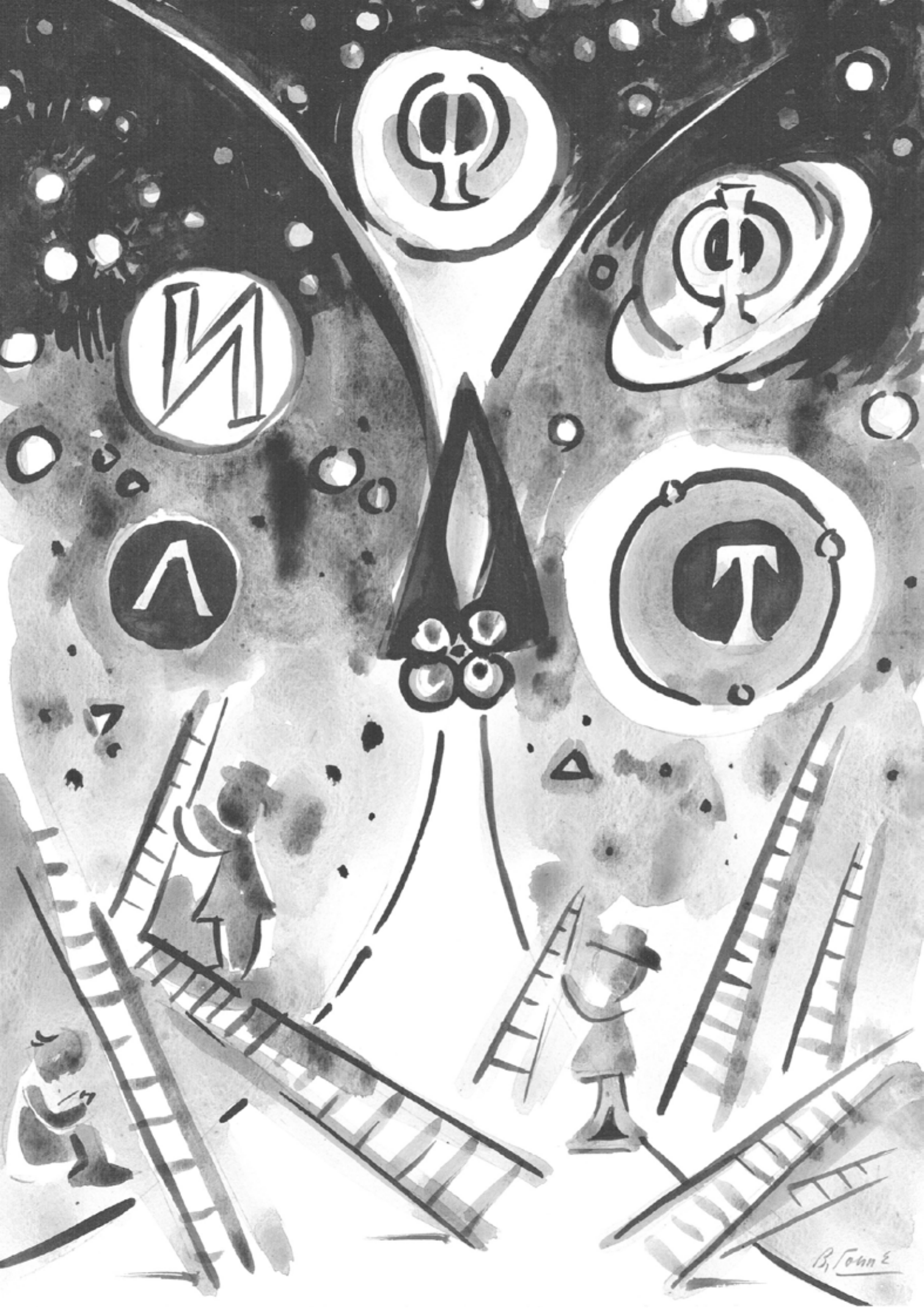

1-ый всероссийский
литературный журнал

Калужская область

№1
2016

1-ый всероссийский
литературный журнал

Калужская область
2016

Маргарита Аль

Наталья Никулина

Главный редактор Всероссийского журнала ЛиФФт *Маргарита Аль*

Главный редактор Регионального журнала ЛиФФт *Наталья Никулина*

В подготовке журнала участвовали:

Александр Николаев

Вера Чижевская

Вячеслав Черников

Макет:

Виктор Гонне

Иллюстрации и вёрстка:

Вячеслав Черников

Адрес редакции

141402, Московская обл., г. Химки, ул. Ленинградская, д. 29

Тел.: +7(926)5245662, e-mail: meta.al@yandex.ru

Адрес журнала в сети интернет: info@liff.ru

Учредитель: ООО ДООС

Регистрационное свидетельство ПИ №ФС77-63346 от 16.10.2015 г.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция оставляет за собой право не вступать с авторами в переписку.

© Редакция журнала «Первый Всероссийский литературный журнал ЛиФФт» Калужская область

Содержание

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

БОРОВСКИЙ РАЙОН

Николай Миров	8
Павел Хомутинников	10

КАЛУГА

Вячеслав Ботук	16
Маргарита Бендришева	16
Наталья Эйкина	17
Людмила Филатова	20

МЕЩОВСКИЙ РАЙОН

Ольга Шилова	26
--------------------	----

ОБНИНСК

Наталья Никулина	30
Вера Чижевская	31
Эльвира Частикова	34
Татьяна Горшкова	36
Меркурий Ильин	38
Галина Ушакова	39
Александр Николаев	44
Любовь Пермякова	46

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ

Обыкновенное чудо: первый сезон	48
---------------------------------------	----

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

О ВЕРЛИБРЕ И ВЕРЛИБРИСТЕ:

Белые бинты поэзии Куприянова	52
Поэзия – это не профессия, а уловка	54

ГОСТИНАЯ ЖУРНАЛА Лифт

ПАМЯТЬ

О Валерии Прокошине	58
---------------------------	----

НАСЛЕДИЕ

Валерий Прокошин	62
------------------------	----

ЛИтературный Фестиваль ФесТивалей

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА ЛИФФТ
МАРГАРИТА АЛЬ

Дорогие друзья! Поздравляю вас с Первым номером журнала ЛиФФТ Калужской области!

Этот журнал часть большого литературного проекта ЛиФФТ.

В нашей стране восемьдесят семь регионов, восемьдесят семь литературных островов. И один из них — это литературный остров Калужской области.

Вопреки мнению, что литература переживает упадок, журнал ЛиФФТ показал обратное — невиданный рост поэзии и прозы. Одно дело, когда авторы печатаются от случая к случаю, выжидая годами приглашения, в надежде, что кто-то где-то обратит на их творчество внимание; и совсем другое дело, когда есть системный печатный орган, представляющий на равных условиях литературную площадку для всех регионов России. Ни один литератор, где бы он ни жил, в Москве или в далёком таёжном посёлке не останется не услышанным.

Схема проекта ЛиФФТ проста и толерантна. Это:

- региональные журналы ЛиФФТ, представляющие литераторов своей республики, края, области;
- Всероссийский журнал, представляющий литераторов регионов России;
- ежегодный Всероссийский литературный фестиваль фестивалей ЛиФФТ, где соберутся представители всех республик, областей и краев, чтобы не только побороться за звание лучшего, но приобщиться к поистине необъятной российской культуре.

Хочу поделиться одним из основных принципов журнала ЛиФФТ — это нацеленность на новое. Как говорил В.В. Маяковский, «...я ... отращиваю свой мозг // не для нюхания // а для выращивания роз...». В каждом номере журнала в рубрике «Школа литературного мастерства» мы предлагаем вниманию читателей статьи и научные труды мэтров российской словесности, приветствующих новизну в творчестве.

«...В поисках рифмы небо, забрёл я на слово нео...» — звучит призыв в поэзии Семёна Кирсанова, которого упрекали в нео-сторожности.

Мы приветствуем нео-сторожность в стихах и в прозе: нео-проза, нео-драматургия, нео-поэзия!

Уже никого не удивишь ни палиндромами, ни анаграммным стихом. Метафора вошла в обиход и уже увенчана международным признанием. А каков современный русский верлибр! И совершенно необыкновенно звучит классический стих, если в нём присутствует новизна и торжество современной мысли. В отличие от футуристов, сегодня мы движемся не только вперёд, но и назад, в богатейшее прошлое, находя там и там новое, еще нео-открытое. Не только в математике, но и в литературе есть свои Григории Перельманы. Мы их ждём и заранее приветствуем.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛА ЛИФФТ
НАТАЛЬЯ НИКУЛИНА

Дорогие друзья! Поздравляю вас с появлением на Калужской Земле нового литературного журнала ЛиФФТ!

Перед вами уникальное, качественно новое, литературное издание! Его название представляет собой аббревиатуру, которая расшифровывается как ЛИтературный Фестиваль ФесТивалей. Обозначая тем самым основную цель издания – объединение всех пишущих и читающих людей в единое литературное пространство. Кроме того, в название и графику журнала заложена метаметафора. Это и лифт, поднимающий нас вверх и одновременно ракета, взмывающий в необъятные просторы космоса. И это очень символично для нас, калужан. Как тут не вспомнить основоположника российской космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского и основоположника космической биологии и гелиобиологии – Александра Леонидовича Чижевского, чьи жизни, преподавательская и научная деятельность были тесно связаны с Калужским краем. Известно, что К.Э. Циолковский неплохо рисовал, а А.Л. Чижевский – писал стихи.

И, конечно же, Александр Сергеевич Пушкин, чьим именем для нас навсегда освещена Калужская земля, Полотняный Завод! Таким образом, для калужан оказались открытыми двери и в поэтический Космос, и в Космос обетованный.

И оба Космоса, как мне кажется, счастливо сошлись в новом журнале ЛиФФТ.

Его автором может стать любой человек, умеющий писать, независимо от званий, «членств» и «лауреатств». Журнал сам идёт навстречу авторам, предлагая им опубликовать свои стихи и прозу. Лучшие произведения, попавшие в региональное издание, будут напечатаны во Всероссийском журнале ЛиФФТ. А победители последнего – приглашены на Фестиваль Фестивалей.

Друзья, журнал ЛиФФТ ждёт ваших произведений по адресу: nataljanikulina@yandex.ru;

Журнал можно скачать на Евразийском журнальном портале Мегалит:

<http://www.promegalit.ru/magazines/lifft.html>;

там же есть адрес журнала в сети Интернет и в бумажном варианте.

Периодичность издания два раза в год.

Боровский район

Николай
Миров

Павел
Хомутильников

НИКОЛАЙ МИЛОВ

КЛЮНЕСЬ ЗЕРНЫШКО ГОРЧИЦЫ

Голый-голый, как песчинка,
Я земле достался даром:
Кто-то выплакал слезинку,
А сентябрь согрел пожаром.
И огонь с морской водою
Отпустили жить на волю.
Я сошёл вниз головою
С криком материнской боли.
Травы сникли, пес залаял
На вознёсшиеся ели.
Окрестили Николаем
Утро в лёгкой колыбели.
А ветра, как великаны,
Хлеб насущный молотили,
Голубой небесной манной
И поили, и кормили.
И вдували жизнь земную
С её шёпотом и стоном,
И дневную, и ночную
С белым искусом и с чёрным.

В заботах, думах или проше:
С единой радостью — любить
Блуждает по осенней роще
Души распутанная нить.
Легка, невидима. Когда же
Сольётся с солнечным лучом,
Блеснёт. Её пропустят стражи
Гулять в отечестве родном.
И где сомкнутся за спиною
Врата сегодняшних тревог,
Там карта мира предо мною
В прожилках судеб и дорог.
Там проступает одночасно
С картинами знакомых мест
И жизнь, сгоревшая напрасно,
И жизнь, взошедшая на крест.
Там сам к себе намного ближе
Сквозь неба голубой кристалл
Глазами Господа увижу
Всю кривизну своих зеркал.

И с тем очнусь среди строений
Отбеленных стволов берёз
С каким-то новым настроением
И влагой покаянных слез.

В купели купали,
В алтарь заносили,
А свечи пылали,
К обедне звонили.
Чтоб в радости жити
До полного счастья,
Младенцу ссудити
Церковные братья:
По крошечке хлеба,
По капельке мёда,
По краешку неба
До смертного года.
От жатвы до битвы
По веку покоя,
По слову с молитвы
И всё остальное...
Ссудили. Обмыли
Слегка на дорожку.
Сивухой улили
Припухшие ножки.
Далёко-далёко,
А Бога любите,
Высоко-высоко
Растите, растите,
Не долго, не быстро,
А Бога любите
И свято, и чисто.

Красный вечер — частый гость,
Вот и сумерек карета
Прокатила через мост
Исчезающего света.

Тихо, будто камень в топь,
Скрип её витой рессоры
Канет. Рыхлый куст иссоп
Пыль прибьёт густой росой.

И уж если ставлен тут
С пришлой жаждой созерцанья,
Слушай, как они поют,
Серафимов тихих стая.

Нет, не этот льстивый век
Укрепил кореньев мякоть
В берега незримых рек,
Чтоб я мог стоять и плакать.

В этот загородный рай
Пусть я загнан родом Хама,
Но дороги гибкий край,
Знаю, прочен Божиим храмом.

Осенние ветра ликуют
И выдувают через швы
Всю биографию земную
Моей кудрявой головы.
Я счастлив тем, что не скрываю
Правдивость чувства, и не зря
В мою жалейку Бог вдвухает
Живую силу сентября.
И ярость огненной рябины,
И чахлость рыжих тополей
Сочатся в тайные глубины
Счастливой сущности моей.
Туда... Вся жизнь моя поката,
И, точно пущена стрелой,
Летит за огненным закатом,
За лёгкой призрачной душой.

День и ночь стою у края
Среднерусской полосы,
В небеса перетекая,
Как песочные часы.
Звоном по-над куполами
Отворён чудесный сад,
Где опора под ногами —
От мытарства и утрат.
Так живу, по доброй воле
Непостриженный монах.
Половина бродит в поле,
Половина — в облаках.
Клюнешь зёрнышко горчицы,
Окунёшься в ручеёк,
И на целую седмицу
Подвизаешь ремешок.
Ни конца тебе, ни края
У подённого труда,
И головушка седая,
И седая борода.

На чужие горб и руки
Не оставишь час страды.
И несёшь Тантала муки
До рождения звезды.

Когда природа за окном
Дожди поставит полным ростом,
Мы забываем о былом
Легко и просто.
И с чьей-то праведной руки
Нам милосердие даётся,
С которым плачут старики,
Когда взгрустнётся.
Дожди — особый камертон,
Настройщики на влажность чувства.
В бесцветную глазури окон
Они, как примеси искусства.
И промывает дождь земной
У нас артерии и вены,
Когда качаем головой
Во знак очищенной Вселенной.

В. Прокошину

Если выгорит полсада
В середине сентября,
Не печалься, друг, не надо,
В этом мире всё не зря.
Скоро сбросят лисьи шубы
Городские деревья,
Отлетит в печные трубы
Всё, что помнит голова.
Все твои снега и беды
Вместе с болью отомрут,
Ты не жил, ты только ведал,
Как же в сущности живут.
Наберись, мой друг, терпенья
Не предать свой звёздный час
До того, как всепрощенье
Вознесёт тебя и нас.

ПАВЕЛ ХОМУТИННИКОВ

СКАЗЫ О БОРОВЦЕ

У нас, в Боровце, что ни хозяин, то огородник. Испокон веку луком да огурцами славятся. Аж в Замбизаре заокеанском наш лук слезу вышибает у нехристей тамошних. Мы им туда, в Замбизар, по три самолета в месяц этого лука отправляем. Лук наш для них — основа всего хозяйствования и мирной жизни. Как только лихоимка или заваруха какая приключится, сейчас мешок лука пораскидают погуще по саванне, народ расчихается, зашкворится, да и разбежится по своим хижинам пальмовым. Дня на три затихнут. Станут делами своими заниматься. Да память-то у местных людей коротковата по причине преломления солнца на Экваторе: глядь — опять собрались в кучку голенькие, чёрненькие, в повязочках соломенных, балобонят, руками размахивают, того и гляди в кучеряшки друг-другу вцепятся. А уж миротворцы тут как тут: сидят на мешках с луком нашим наготове.

Хорош лук. Да ведь мы туда не самый лучший еще отправляем, а только девять из десятка. Сами-то только с лука доход и имеем. Да не с торговли вовсе: в каждой десятой луковице по денежке серебряной вызревает. Это от земли нашей торфяной да от назема скотского. Вот наши огороднички как лук вызреет, отсчитывают девять луковиц и в мешок, а десятую — на тёплый чердак к печной трубе складывают. Просушат лучок — денежки так и звенят самозвонко, что твои кенарейки. А огороднички сидят себе в избах да полисадниках и чай-малины распивают.

А чай тоже по-особому у нас пивают. Ясно, что из самовару, да не так как везде. Везде-то, вишь, в чай для вкуса сахар да краску добавляют, а нам то без надобности. Вот утречком, еще и луковичны денежки не прозвенели в первый разок, а уж самовары сопят: сю-сю-сю, сю-сю-сю... Хозяин-то хват коромысло да мешок, в сапоги самобеглые запрыгнет, да на ключ за водицей и побежит. Ключей родниковых у нас тьма-тьмушая. Почитай вдоль всей реки понатыкано. У каждого и имечко имеется, да и водица соответственно именная: где сахарная, где малиновая, где смородиновая, а где и с мудрёным названием боржом. Всякая водица живёхонькая, а уж холоднющая такая, что даже в самую жару мы её не в ведрах, а в мешках да тележках носим. Водицу нашу мы вместо карамелек потчуем.

Вот к ключу подойдёшь, коромыслом-то легонечко ее тронешь, водица звяк — и в мешок. Но с норовом. Когда захочет, так и сама до избы скользит. А уж когда истомится, так и с места не стро-нешь.

А к тому времени самовары-то везде проснулись и перекликаются. Из одного двора курлы-курлы доносится. Из другого — тох-тох-тох... Гам стоит, что на ярманке. Тут хозяйюшки поднимаются. Во дворы выходят. Все в розовом. У наших хозяек мода такая, что день надо в розовом привечать. Вот они в розовом во дворы и выходят. Да все в разном: кто в сарафане, кто в кофте цветастой, кто в платочке али в шляпке от Дадашкина. Какая модница и целый день в розовом ходит. Красота.

Берет хозяйюшка самовар под белы ручки да к печи ведёт. Корья берёзового надёргает, угольев с печи наскребёт да старым сапогом ну огонь раздувать-заговаривать. Дым коромыслом. Весело. Празднично. Так весь день празднично и держится.

КАК БОРОВИЦКИЕ МУЖИКИ КРЕМЛЬ МОСКОВСКИЙ СТРОИЛИ
ДА ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Жил у нас мастер-плотник премудрый, по прозванию Васька Зуёк. Мастер был первостатейный: не токмо избы да сараи мастерил — терема заказывали, церкву срубил с луковичками да полотеничками резными. Тогда и маковки луковичны именно он первый рубить начал. Сам-то из огородников наших происходил. Дед его Сидор такой лук выращивал, что тебе тыква аль ягода гарбузная. А уж как сей Зуёк умел украшать окошечки да наверхия: тут травку пустит с конями, там цветоч-

ки да солнышки. Там у него девки хоровод ведут, рядом мужики с инструментом работным. Да все разнокрасочно и весело. Очень полюбился сей мастер нашему люду: кому избу изукрасить надо, над теремом светелку с луковичкой пристроить, а кому и беседка в саду понадобилась.

А на Москве затеяли Кремль рубить, чтоб башенки стояли сказочные, стены оборонные высокие вокруг шли, а внутри Кремля, значит, чтоб дворец царский стоял да церква великая. Кого из мастеров звать? Французишку — так оне только в луковичном супе большие мастера, аглицких мастеров — так те все в чрезмерной скупости делать норовят. Ну итальяские мастера ещё куда ни шло. Взяли. Да только мучается итальянский мастер Фиоровантус, а все не по русскому обычаю у него получается.

Проезжал мимо наш мастер Зуёк. Поглядел на мучения Фиоровантовы, да и напросился ему в помощники: дай-ка, мол, я одну башенку самолично срублю, да и тебе мороки меньше будет. А платы никакой не возьму: всё у меня есть.

— О! — вскричал мастер итальянский, — валяй!

В два, много, в три дня чуть правее реки на пригорочке срубил наш Васька башенку. Низ квадратом с воротами проездными, сверху шатер с площадкой дозорной, на ней выпел резной. Изукрасил её пригоже, да и сел по нашему обычаю чаевничать. Народишко понабежал. Стоит, любитесь.

Ехал мимо царь-государь:

— Что за сбор?!

— Да вот мастер Васька Зуёк из Боровца башенку соорудил пригожую, — отвечают ему. Глянул батюшка-царь — хороша башня, нашего правила: и величина важная, и украшена степенно. Самая что ни на есть кремлевская.

— Ну так пусть сия башня Боровицкой прозывается, — рек царь, кинул Василию пятак и на Онегу отдыхать направил. Дак наш мастер туда и не поехал. А то у нас хуже. Да и не умел он отдыхать-то без работы.

КАК БОРОВИЦКИЕ МУЖИКИ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ МАМАЯ ПОБИЛИ

Было это ещё в те года, когда наши мужики всему свету были известны тем, что любили на кулачках биться. Соревновательные были — страсть. Но промеж себя так наипервейшего в этом деле сыскать и не могли. То один всех побьет, то другой всех отмутузит, а постоянного нету. А как какой приезжий появится, так его тоже на кулачки проверяют, а вдруг он и есть самый победитель. Выведут с поклоном под ручки в кружок и ну мутузить. Потом отмоют, одежонку почистят и зала-тают, ежели надо, чарку поднесут, побеседуют мирно и отпустят по своим делам с миром.

А тут на беду Мамай на Русь пошел. Ну нашим мужикам то в радость: кулаки-то чешутся, не вмоchь. Вот и пристали к князю Владимиру Андреевичу: веди, мол, на Мамай. А тот сразу-то зау-прямился было: не ваше дело, брат мой Дмитрий и без вас справится. Мужикам обидно: как так — без нас...

Тут и гонец от Дмитрия Московского объявился. Сбирайтесь, кричит, на Мамай. Наш князь вас приглашает.

Владимир Андреевич тоже рад:

— Трубите сбор! Только припасов на зиму приготовьте.

Наши огородники враз лук да огурцы посеяли, вырастили, по мешкам да на чердаки забросили, подхватили дубинки, мечи двуручные да рукавицы бойцовые:

— Мы готовы, — галдят.

Пошли. Князь впереди на лихом коне, в красном плаще, в золотых доспехах. Рядом воевода Боброк за ратью приглядывает. А мужички сзади пешком. Привычной так-то, да по дороге и грибков посбирали на цельну зиму.

Долго ли, коротко ли — пришли. А уж оба войска стоят друг перед другом да обидными словами перебрасываются. Вот кинет князь Дмитрий обидное слово Мамаю, а оно горячее, как кипятток, да колючее, как репей. Мамай с дуру его поймает, завизжит, что свинья и ну его назад. Да еще и зол-лой маркой присыплет. Наш Дмитрий, не будь дурак, к тому слову наконецник остренький прище-пит да опять Мамаю отправляет: а пошёл ты... пес...! Мамай в растерянности — не ожидал.

Тут и ночь пришла. Задремали все. А наши мужики в лес ушли да всё кулаками машут: ужо за-втра мы его! Так расхорохорились — не угомонишь. Князь Владимир Андреевич раздал всем по чар-

ке, повелел отдыхать, Завтра, мол, чуть свет, битва начнется, надо лучшего выбрать. А как выбрать? Только на кулачках. Спорили-спорили, сколь раз на кулачках сходились — не могут определить лучшего. Умаялись. Заснули богатырским сном. И не услышали, как вышли в поле полки, как началась сеча великая. Уж Пересвет с Челубеем схлыстнулись и с коней замертво пали, а боровичи спят-поспят и усом не ведут.

Дмитрий послал гонца за ними: жду подмоги. Да где там. Храпят, аж деревья дрожат. Не добудил-ся их гонец. Только Боброк-воевода проснулся. Видит: спит его войско. Батюшки светы!

— Подъем, — кричит. И ну пинать спящих сапогами. Растолкал кое-как. Кого водой из Дона обливал, кого пчелкой пожалил. Вскочили все, шелома натянули — готовы! А Боброк-воевода молвит:

— Повременить надо. К зачину припозднились, так засадным полком послужим!

Тут ряды московской рати дрогнули, отступать стали, к Дону пятиться. Не стерпели такого сраму боровичи, оттолкнули воеводу.

— Веди! — князю Владимиру Андреевичу кричат.

Вскочил на коня князь, вперед полетел. Боровичи за ним. А заспанные, немыты-нечесаны, бороды клоками, все в листве да в траве лесной. Вид самый что ни на есть разбойный. Увидела тарта: из дубравы мирной выскочила вдруг толпа лесных вурдалаков, кулаками машут, орут непонятно что. Поняли ордынцы, что нечисть лесная на подмогу москвичам идёт и дёру дали. Целый день драпали, а Мамай впереди всех.

Дмитрия, князя московского, за ту битву Донским прозывать стали, а нашего князя Владимира Андреевича и Донским и Хоробрым. Боровичей же с той поры всяк добрый человек за храбрецов-хитрованов признает.

О ЧУДЕ СТАРЦА ПАФНУТИЯ ПРИ ОВРАГЕ ТЕКИЖЕНСКОМ

В городце нашем, кроме речки Паратвы, ещё речка безымянная протекала по глубокому оврагу. Вот однажды зимой мороз крепкий был, промёрзла та речка до самого дна.

Пришла весна, новой воде и деться некуда, вот она под той речкой пробила себе огромный тоннельный ход. Да сил у той воды не хватило. Встала вода, подумала да и потекла на городец наш. Забеспокоился народ, забегал. Половодье — это не шутка. Того гляди городец снесёт. А жил еще старец Пафнутий. Кинулись в ноги ему: спаси!

Вышел Пафнутий на берег, крестом православным осенил себя, молитву сотворил, только и сказал: — Теки же!

Враз потекла вода по прежнему руслу. Овраг тот с тех пор так и прозывают — Текижа. А над тем тоннелем ледяная крыша осталась. Свет сквозь неё проходит, а тепло летнее нет.

Смекнули тут наши хозяйственные мужики, что отличный городской амбар получился. Вот и принялись свозить туда на подводах всяк свою продукцию: картошку, да капусту, да моркошку, да баночки с соленьями... Весь городец тем амбаром пользовался. Все лето ледяная крыша не таяла. Так и пошло с той поры. Дорожки в тот амбар проложили, где и стеночки с нишами поставили. Любо-дорого. Сколь годов пользовались, да нашелся начальник один, по прозванью Жестокан. Узнал про тот амбар, обзавидовался. Стал потихоньку его к рукам своим загребушим прибирать: то с одного бока приберет, то с другого. Да все мало. Стал расширять его, да кровля ледяная и рухнула. Ну, народишко погоревал сколь мог, дня три, да и всяк свой амбарчик по образцу прежнего соорудил. Не то что было, конечно, а всё ж лучше, чем ничего.

Мама моя в городце рядом с Лесхозом проживает. Так вот её домик, а на пригорочке, под соснами, изба Лесного хозяина нашего, Лесхоза дремучего. Через речку — Бор древний. Сосны там что твои эвкалипты в небо упираются. Облака кронами от городца отгоняют. Северные ветры поворачивают. Оттого в городце у нас всегда погода стоит благодатная

Я приехал к маме погостить. Во двор вышел. Потянулся. Хорошо. Вдруг Бор зашумел. Встала из-за Бора туча огромная, крылами взмахнула и ко мне полетела. Глянул я, а то птица-ворон. Сел ворон во двор. Я за забор спрятался. Сажу тихо, в шелку посматриваю.

Выходит из избы сам Лесхоз. Лохматый, глазами зыркает, а сам махонький, что твоя табуретка. Вот вышел он эдак чинно, зернышек ворону сыпанул и ну его выпрашивать: что, где и как деется на Руси. Ворон ему все обстоятельно рассказывает. Намедни, мол, людишки по ягоды заходили, дак дал по горсти, В том-то месте родничок пробился — не доглядел... Лесхоз головой кивает, а сам думу думает.

— А вот, — говорит, — птица-ворон, не встречал ли ты какое чудо?

— Встречал, — отвечает птица-ворон. — Встречал такое чудо, что и враз не сказать.

Есть, говорит, у нас в Бору местечко потаённое, где речушка наша Боренка к обрыву прижимается. В том обрыве пещерка неприметная. В той пещерке ларец красnodерева. В том ларце — камни самоцветные. Какой девице сии камни подарить — будет вечно писаной красавицей. Какому молодцу камень получить — будет молодец всегда при уме да достатке великом. А коли сии камешки белу свету поднести, так будет белый свет в вечной радости жить.

— Стережёт ли кто камня те, — спрашивает Лесхоз.

— Я и стерегу, батюшка, — отвечает птица-ворон. — Вот уж почитай 500 лет стерегу, не сплю, все одним глазком за ларцом тем приглядываю.

— Молодец, — говорит Лесхоз. — Вот тебе за службу твою верную еще горсть чипсов кукурузных. Пируй, да, смотри, дело не забывай. Ступай себе!

Взмахнул ворон крылами — чуть меня с заборчиком не унесло. Ухватился я за сарай каменный, удержался. А ворон в Бор полетел.

Тут Лесхоз шмякнулся о землю и обернулся соседом тещи моей Семёном Большовым.

— Здорово, — говорю, — дядя Семён.

— Здорово, — отвечает. — Что к маме на чай гостевать приехал?

— А то!

Посмотрел на меня дядя Семён хитро, ухмыльнулся и ушел куда-то. А я к маме пошел. Чай пить да думку думать: как же мне тот ларец раздобыть, да самому не сгинуть. Очень уж хотелось маму порадовать камнями самоцветными. И придумал. Да до поры не скажу.

О ПОЭТЕ ПУШКИНЕ И О ТОМ, КАК ТОТ ПОЭТ В ГОРОДЕЦ НАШ НАВЕДЫВАЛСЯ И ЧТО ИЗ ТОГО ВЫШЛО

Городец наш так мал, что ежели не знать, где тормозить начинать, то его и проскочить можно. Я сам сколь разов проскакивал. Приходилось от Городни, а то и от самого Малогорода пешком возвращаться. Оттого и не всяк к нам гостевать устраивается. Хороший провожатый нужен. Уж он-то подскажет, от какого бугорочка приметного или ямки заметной тормозить начинать.

Вот поехал Пушкин сватать свою Натаху в Полотняный Завод. Известно, дорога из Москвы в Полотняный через наш городец прямоезжена. А Пушкин уж прознал про наши чудеса, да и дружка своего, Каверина, навестить решил. Нанял он провожатого дорогушего, чтоб наверняка не проскочить. Провожатый не подвел, тормознул прямо на торговой площади, в самом центре. Остановился экипаж. Вышел Пушкин ноги поразмять, по сторонам смотрит. Сейчас, думает, я стих с этой красоты для своего друга разлюбезного Каверина сложу. Глядь: поросёнок бежит через площадь. Бежит эдак прямо на Пушкина и визжит. Пушкин посторонился — поросёнок дальше побегал, а за ним баба бежит с прутиком и визжит громче того поросёнка. Пушкин и бабу пропустил. Только хотел стих сочинить, глядь: мужик бежит, поросю тащит. И оба визжат, аж уши закладывает. Что такое? Пушкин уж и про стих забыл, и про Каверина. Кинулся он в купеческую лавку, а там дядя Петя игрушками торговал. Сунул он Пушкину игрушечного поросёнка, да еще и денежку сам из его кошелька вытащил, сдачу дал честно. Кинулся Пушкин к бабе-торговке. Та только присела перекусить: горбушку откусила, квасом домашним запивает. А тут откуда ни возьмись Пушкин. Батюшки светы! Испугалась баба, прыснула с испугу на его модный камзол квасом, подхватила и убежала визжа.

Обиделся Пушкин.

— Ну его, — говорит, — этот свиной городок. Поеду я лучше к невестушке своей, Натахе, а то совсем мне здесь платье испортят.

Калуга

Вячеслав
Ботук

Маргарита
Бендрышева

Наталья
Зйкина

Людмила
Филатова

ВЯЧЕСЛАВ БОТУК

БУМАЖНЫЙ ФОНАРИК

Благоуханье...
Жадно вонзён хоботок
В губы пиона...

Над каплей росы
Феей склонилась лесной
В зеркале лета...

Сон хризантемы
Потревоженный робко...
Крылышек веер...

С крыльев дрожащих
Радужный бархат пыльцы
Осень сдувает...

Глаз наслаждение...
К вечности краток полёт
Бабочки хрупкой...

БУМАЖНЫЙ ФОНАРИК

Сегодня — тучи...
И ветер жгучий,
И снег колючий
В глаза — пургой.
Я знаю точно,
Что этой ночью
Порвался в клочья
Фонарик мой.
Он был бумажным,
Но был отважным.
И просто важно,
Что он светил.
И если верить,
Что можно склеить
И вновь лелеять...
То хватит сил?!..

МАРГАРИТА БЕНДРЫШЕВА

ТЕНЬ

О, возраст — личная печать
Под списком пёстрых лет.
Теперь легко критиковать,
А вот влюбиться — нет.

В привычках побеждает лень,
Судьбу влечёт покой.
О, возраст! Всё крупнее тень,
Идущая за мной.

Но эта тень — отнюдь не суть
И не черта моя.
Душа живая на свету —
Вот что такое я.

Исчезнет весь громоздкий фарс,
Все искаженья лет,
Когда у тех, кто видит нас,
Во взгляде будет свет.

КНИГИ

Многokrылые мудрые бабочки — книги,
Все сюжеты Вселенной — узорами в них:
Иероглифы, литеры, символы — блики
И надмирных историй, и былей земных.

Доверяя рукам, не боятся урона:
Не сотрётся в веках алфавита пыльца —
Шелестящие трепетные «папильоны»
Так и льнут к медоносным цветущим
сердцам.

КАНАТ

В канат многопрядный тугого витья
Судьба вплетена нитяная моя.

Рабочий канат не похож на струну,
У берега жизни он держит страну,

С натужною силой, гудя и дрожа.
Россия! Тяжёлая наша баржа,

Мы держим тебя. Никакая земля
Не ждёт нас за водами небытия...

НАТАЛЬЯ ЭЙКИНА

КОНСТАНТИН НИКОЛЬСКИЙ, ИГОРЬ ТАЛЬКОВ, МИХАИЛ МУРОМОВ
И БИЛЬЯРДНЫЕ ШАРЫ...

«Константин Никольский, Константин Никольский, Константин Никольский...»

...Я повторяла в уме имя этого музыканта-гитариста, когда возвращалась домой с концерта группы «Цветы». Он произвел на меня, еще девчонку, такое сильное впечатление, что всю обратную дорогу домой я твердила его имя, повторяя раз сто! Он был высокий, красивый... и замечательный музыкант, покоривший мое сердце. Еще запомнилась его песня «Бури и метели землю одолели, птицы белые мои к солнцу улетели...»

Разве тогда я могла представить, что через какие-то десять лет познакомлюсь с увлечением моей юности — с рок-звездой, автором и исполнителем своих песен группы «Воскресенье»?!

Мы действительно познакомились и немного подружились. К этому времени он уже работал в группе «Галактика» при Калужской филармонии. Потом группа стала называться «Зеркало мира» по одноименной песне Константина Никольского. Вместе с ними я поехала в гастрольные поездки: Пермь, Псков, Калининград.

Получилось забавно: в Пермь я летела, чтобы возвратиться в группу «Нежность», но прилетев, отдала аванс — 150 рублей руководителю «Нежности» товарищу Терновому и осталась в группе «Зеркало мира», так как в ней играл на клавишах мой жених Кирилл Есипов.

Именно в это время и в этом месте пересеклись гастроли этих групп!

Для меня знакомство с Костей было действительно знаковым.

Бильярдную пирамиду разбил центральный шар, остальные откатились в разные стороны, а один попал в лузу...

Сколько концертов разных ВИА и групп я пересмотрела в своей юности, но имя и встреча соединились только в одном человеке — К.Н. Знак судьбы?

Много лет спустя судьба свела меня с другим музыкантом, также организатором известной рок-группы «Воскресенье» — Алексеем Романовым, с его песнями и с его жизнью и с удивительным музыкантом Андреем Сапуновым, но уже через моего супруга, Александра Ильина — звукорежиссера многих известных исполнителей.

Очередной удар кием привел в движение шары на всем сукне бильярдного стола...

Еще один удар рикошетом — знакомство с Игорем Тальковым на гастролях «Зеркала мира» в Калининграде. В ту пору повелось возить на гастроли «мертвые души», то есть, по ведомости провозили людей, получали за них суточные, а может и оклады, но они числились только на бумаге. В этой поездке возможно была какая-то проверка или еще что-то случилось, но «мертвых душ» нужно было представить в виде конкретных людей. И вот один из них и был Игорь Тальков.

Удача мне сопутствовала и игра перешла в мои руки...

Такой интересный и скромный молодой человек. Он ходил вместе с нами, в нашей тусовке, состоящей из Кирилла, Кости, Саши, меня и Володи Черного и уже не помню кого ещё. Но помню очень хорошо, как Игорь предлагал мне, Кириллу и Саше почитать его тетрадь со стихами. Моя слепота была понятна — я уже общалась с музыкантом, рок-легендой и звездой. Других для меня тогда не существовало. Возможно, ребята и читали, точно не знаю. Знаю, что Кирилл сдружился с Игорем. А мое, как бы заново знакомство с Игорем состоялось уже года через два на концерте в «Олимпийском». Наша солистка из группы «Нежность» Надя Рябова пела песню в дуэте с Игорем. Именно на этом выступлении возобновилась наше знакомство. Потом периодически наши гастроли пересекались. Со стороны трудно назвать наши отношения с Игорем дружбой. Но именно он

так достойно, с уважением, по-мужски благородно вёл себя, что иначе, как дружбой наши взаимоотношения и не назовёшь. Жаль, что так мало нам свыше было отведено на это времени.

Летом 1991 года наши выступления в «Олимпийском» опять совпали. Я в то время работала в группе «Сладкий яд» Михаила Муромова, а у Игоря уже был свой коллектив «Спасательный круг», своя программа из политических и патриотических песен о родине, о России и ее судьбе. Перед этой, к сожалению, последней нашей встречей, мы параллельно были на гастролях в Сочи. У нас был свободный день, а у Игоря этим вечером был концерт. И мы всем составом пошли на его выступление. Игорь заботливо усадил нас на почетные места в партере. Полтора часа, а может и больше, мы были увлечены тем, что исполнял Игорь. Атмосфера концерта была непривычна для того времени. В основном были песни политического содержания. Но всё было так здорово! Остро! Ярko! Выразительно и музыкально! Честные стихи и переживания, яркая самобытность незаурядной личности (звездой даже не хочется называть). На сцене был артист, музыкант и поэт, в полном соответствии с понятием о настоящем человеке и мужчине.

Опять возвращаюсь в лето 1991 года в Москву на площадку в «Олимпийский».

В перерыве Игорь пригласил нас с моей подругой, бас-гитаристкой Галей Лезиной, пообедать там же в ресторане. Сам пришел с женой Татьяной. Мы замечательно провели время, говорили обо всем. Неожиданно Игорь пригласил нас работать в свой коллектив! Он собирался сделать второе отделение — лирическое... И предложил нам сначала влиться в лирику, а потом и в первое отделение! Но самое главное — это была работа в живую, без всяких фонограмм! Мы не долго думая, приняли его приглашение. Но...

Наши маршруты разошлись. Мы думали, что на время, а оказалось, что навсегда. Игорь был убит в сентябре 1991 года. Я разбилась в октябре этого же года. Можно было бы поставить точку, но очень хочется договорить об одном моменте.

Ко мне в больницу приходила наша общая с Игорем знакомая — союзный администратор по имени Анна (к сожалению забыла ее фамилию). Она приносила мне известия о ведении уголовного дела в отношении убийства Игоря. И последняя версия, которую она мне рассказала, была с большей долей очевидности, вероятной. Для близких и родных людей было ясно: Игоря убили, но совсем не те лица, которые официально проходили по делу. И дело было совсем не в каких-то там амбициях и Азизе. Игоря заказали люди из наркомафии. Видимо, он был неугоден и партии. Но Аня сказала просто, что ему, как и другим артистам предложили перевозить наркотики, так как багаж звезд не проверялся так тщательно и в кофрах для инструментов можно было провезти все, что хочешь. А Игорь не согласился. А так, как он узнал об этой системе, то с его честным характером напрашивался следующий шаг (возможно это была бы какая-нибудь очередная песня — как выстрел по этому безобразию!).

Первым успели выстрелить заказчики.

Почему эта версия мне кажется более верной? Не знаю. Ведь ни в одном из фильмов о расследовании гибели Игоря Талькова об этом не говорится ни слова. Но моя память сохранила всё об этом замечательном человеке, чья судьба когда-то пересеклась с моей.

Шар прокатился и коснулся другого, но цели не достиг...

Вспоминается еще один интересный случай, связанный с Игорем. В концертном зале «Россия» в Москве отмечала свой юбилей известная во всем Советском Союзе целительница — Джуна. В концерте принимали участие многие известные артисты, но на застолье в дом юбилярши были приглашены избранные, в том числе Игорь Тальков и Михаил Муромов со своими коллективами.

Большая зала, где был накрыт банкетный стол, вмещала человек 15-20.

Кто-то ходил и осматривал дом, в том числе и я, ведь имя Джуны было таинственно, и привлекало своей необычностью. Там было интересно: картины хозяйки; помню хорошо одну комнату, в которой было очень много икон. За праздничным столом все говорили о виновнице торжества. И надо вам сказать, что и я, «набравшись» вина и храбрости, встала и произнесла тост то ли за ее здоровье, то ли за гостеприимный дом и ее хозяйку. Но очень хорошо помню реакцию Джуны. Она спросила у сидящего рядом: «Кто это?» Видимо ответ ее удовлетворил.

Вскоре многие музыканты перешли в аудио-студию, оставив официозных лиц и юбиляршу за столом. Там мы продолжали распивать легкие и крепкие напитки, кто-то играл на инструментах, а кто-то просто разговаривал. Неожиданно на ровном месте разгорелась перепалка между Андре-

ем Державиным, Михаилом Муромовым и Игорем. Михаил сказал что-то обидное в адрес Андрея и его песен. Своё несогласие с ним выразил Игорь. Слово за слово, жест за жестом, и если бы не брат Игоря, то возникла бы драка. А так, все закончилось мелкой потасовкой. Горячи были оба.

Как бы то ни было, но товарищеский, а, скорее, дружеский долг Игорю Михаил отдал. Пишу со слов Михаила: сразу же после известия о смерти Игоря, Муромов всю ночь гнал свой автомобиль в Питер, одним из первых приехал и сопровождал тело товарища в Москву.

Да простят мне мои читатели, возможные неточности. К сожалению, вспоминать и записывать по памяти, не такая уж легкая задача. Что-то получилось передать не столь ярко и не совсем точно, но за искренность воспоминаний я отвечаю.

Игра в бильярд требует большого ума, внимательности и удачи.

ПРО ТРУДНОСТИ ВЗРОСЛОГО ВОЗРАСТА

Спускаясь по лестнице, мой сосед заметил: «Сегодня 53 февраля! В марте прошел снегопад...».

53 февраля 2013 года от Рождества Христова я наконец-то родилась! Накануне, как я поняла позднее, шел Очень Сильный Снег. И мои первые шаги начались прямо по сугробам и преодоления их высоты и скользкости земли под ними. Вы не представляете, как мне было весело!

Я шла и шла, и снег шел тоже. Конечно, было трудно, но необходимо было идти: я же решила, я обещала тебе выйти на улицу и доехать до... Место, куда я доехала и дошла, называется Страной Детства. И эта Страна была давно мной, взрослой, потеряна... Сколько всего интересного случилось по дороге! Главное открытие, сделанное мною в пути, это то, что только душой можно увидеть красоту жизни.

Какая жизнь красивая! И так захотелось Любить, Любить ее и Любить! Я родилась на свет Божий, я вышла из страны взрослости — страны озабоченности, печали и скуки. Там не только темно, там ужасно и до «противности» страшно, если не сказать черно! И какая радость наполняет душу, когда вырываешь себя из ее «объятий» и попадаешь в Страну Детства («...и по чьему благословению я по небу лечу». Б. Окуджава). Меня охватило счастье и веселье, радость взалхлеб — от ног до самой макушки. Но без препятствий не обошлось.

Как здорово, что Рядом Тоже Есть Люди... Рядом со мной всегда есть люди, и надо об этом помнить, чтобы радоваться им, так как в жизни бывает и иначе: «... но НЕ ИМЕЮ человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; Когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.» (Евангелие от Иоанна, гл.5.) Я всегда бываю неодна...

Преодолев усилия перехода через снежные преграды с весельем в душе я, наконец-то оказалась возле нужного Замка из красного кирпича. Но перед ним была сплошная наледь и сугроб высотой почти с мой рост, а дороги к нему не было видно. Самое главное — не отчаиваться и не терять надежды! Оглядевшись вокруг, я увидела девушку, повернувшую на тропинку, которая вела к Замку и я поняла, что надо идти за ней вслед. (Нет ничего невозможного! Нужно немного приподняться над собой. Самое главное Начать Движение, Действие! Нужно отойти от забора или закрытой наглухо двери и тогда можно увидеть Рядом Открытую Калитку или что Забора вообще Нет!)

Какое Счастье найти себя в себе, найти То, что Ищешь! Главное: Начать это Искать! Искать в себе НЕОБХОДИМО эту Страну Детства, если она потерялась где-то глубоко в этой неправильной взрослости. В ней можно валяться в сугробах, удивляться их высоте и заснеженной дорогой идти к Цели, несмотря ни на что. Здесь всегда есть чему удивляться. Удивление и Очарование Красотой! Есть чему Радоваться. Есть что Любить! Здесь есть 53 февраля! Сугробы высотой в рост ребенка, а как при этом поют птицы, совсем по-весеннему! Здорово как! Счастье такое! Родиться было необходимо, а иначе, зачем жить?! Важно вспоминать, где есть эти Острова Детства и идти, бежать, ехать туда для того, чтобы Искать и Находить в Себе Главное. «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное.» Это Слова Господа Иисуса Христа из Евангелия от Матфея, гл. 19.

...Сосед прошел мимо меня с лопатой для чистки снега. Я спустилась с лестницы, открыла дверь и увидела двор в сугробах выше колен. Хорошо, что сосед с лопатой шел впереди меня. Это был тот самый сосед, который сказал про 53 февраля.

ЛЮДМИЛА ФИЛАТОВА

БАБОЧКА ПОД СТЕКЛОМ

(Отрывки из повести)

Во вторник, наконец, позвонил «этот Игорь»... Лена вынесла отредактированную рукопись, но он усадил её в машину: «Покатаемся?» Сама не зная — почему? — она вдруг согласилась. Захотелось движения, воли, простора — с ветерком промчаться по бетонке! Или медленно тащиться по просёлочной... А то и безрассудно вилить по канавам меж сельмагами и пивными палатками, этими «культурными» центрами на селе, возле которых непременно кучкуются по трое старички, осчастливленные хоть какой-то пенсией, и ещё не сбежавшие в город механизаторы, увы, без всякой денежной наличности! Сия несправедливость в распределении «общечеловеческих ценностей» к ночи уж точно закончится мордобоем и бабьим визгом.

Вперёд, вперёд... Мимо рабочих посёлков, утыканных бесцветными коробками двухэтажек, мимо почему-то железобетонных остановок — ведь не дзоты же? — внутри расписанных неприличными словами, а снаружи расстрелянных местной шпаной из поджиг. «ТТ» и «Макаровы» — это уже ближе к столице.

Или — вмиг пропорхнуть мимо одиноко стоящих в сторонке школ, в которых учителя уже бояться учеников, а ученики — подкрадывающейся нищеты...

Странно, но любовь к Родине охватывала её с наибольшей силой именно в минуты этого, в общем-то, совершенно бессмысленного движения: то, будто во сне, — по полузаброшенным деревням, мимо обветшалых церквей, сараев, погребов и бесконечно тянувшихся изгородей, летом — с мальвами и золотыми шарами, а зимой — со смёрзшимся застиранным тряпьем.

И всё — мимо и мимо... И почему-то никогда — куда-то именно. Казалось, душа пила это бесконечное, слава Богу, ещё ничьё — а может, и не, слава Богу, поди, теперь разберись — пространство и никак не могла напиться. Процесс этого «пьянства» завораживал. И опьянение надолго задерживалось в скрюченных от напряжения мизинцах, в разгорячённых мочках ушей и в пропахших стылым ветром всклокоченных прядях.

Хотите, верьте, хотите, нет, но Елена так ушла в свои размышления, что вспомнила об Игоре только, когда машина притормозила у её дома. Единственная фраза, которую он произнёс, была: «С вами жарко ездить!» Расстегнув куртку, он хлопнул дверцей и умчался в неизвестном направлении.

— Мне и самой с собой жарко... — вздохнула Елена, ворочая ключом в чёрной дыре замочной скважины.

Народу в лит.курилке опять — битком! Тут — самые разговоры, более открытые, раскованные. Даже некурящие заходят чужой дым поглотать.

Обсуждали молодую, неопытную, напрепирались всласть! Считает себя гениальной, да ещё и напор, как у бульдозера. Есть у неё строка: «Уехать бы в Лондон, и в Темзу нырнуть...».

— И мне бы! — вздохнула Елена. — Хотя... Меня отсюда — никаким бульдозером! Здесь и помру, как Гумилёв, где-нибудь под сосенкой, под грохот грузовых составов...

Счастье-то какое — дома, среди своих. И как только эту эмиграцию выносили? Там же ничегошеньки нашего, всяк — за себя, да ещё и в одиночку! А тут мы все, как рябиновые бусы: хоть убей, — красненькие, особенно за бутылкой, ведь после пары стопочек — всё друг дружке братья да товарищи, да ещё и одной иглой — на общую нитку нанизаны!

А вы — жёлтые, белые да коричневые, не спешите возмущаться. Вглядитесь в себя поглубже! Не помогло? Тогда ещё — по чуточке... Ну, вот... То-то же!

У нас ведь — здесь... Что бы ни было — тишина ли мёртвая, гвалт ли несусветный — а отойдёшь в сторонку, прислушаешься:

— У-у-у... Стон ли?... Зов ли? Так и пронзает из края в край — это она, мамка наша, Русь-матушка, губу прикусив, на иголку этого «у-у-у...» всех нас нанизывает.

Никого не пропустит. Потому, что любит. Так куда ж от любви ехать-то?..

Не попрощавшись, слетела вниз, и, распахнув плащ, шагнула под мелкий зябкий дождик. В голове что-то складывалось, и хотелось дать ему выход.

Взглянув под гору, на мгновенье замерла. Там, внизу, всё колыхалось и бултыхалось в мокром зябком золоте.

Фиолетовые просветы между домов казались перевёрнутыми домами другого измерения, в общем, город — в городе... Колдовство какое-то.

Вдруг узкая серебристая машина, незаметно подкравшись, толкнула её под локоть. Дверца бесшумно распахнулась, и в свете фонаря вспыхнул знакомый «ёжик» Игоря.

— Фу ты, напугал... — весело заворчала Елена, садясь в машину, — это ведь не твоя, твоя тёмная была, с одной дверью.

— Эта тоже моя. Едем?

— У меня ещё дела... — соврала Елена, уже забираясь на сиденье. И машина тронулась, нет, с рёвом рванула с места, с жуткими кренами на поворотах пронеслась по городу, перепрыгнула мост и вырвалась на бетонку.

— Испугаться, что ли? — расслабленно подумала Елена. — А чего пугаться-то? Ну, разобьёмся, так это даже к лучшему, не доживу до старухи!

Машина неслась по трассе, как сумасшедшая...

«Куда! Куда?» — казалось, кричала луна, широко раскрыв рот и раскинув невидимые руки. — «Держи! Держи её!»

Лес на обочинах слился в мутную грязно-бурую ленту.

— Совсем, как от пишущей машинки, — мелькнуло в замороженном сознании Елены, — интересно, этот Игорь, он псих, или Архангел? — пришедший выдернуть меня из всего этого...

...Надоело-то как! — делать вид, что всё ещё чего-то стоишь, толочься в окололитературном, да и в любом другом пустословии и пустodelании. Хотелось просто писать. И чтоб ещё печатали.

Встречный транспорт сигналил. Видимо, безумная машина Игоря делала что-то не так, наконец, она «споткнулась» на колдобине и, высоко подпрыгнув, еле вырулила.

Елена больно ударилась затылком об обивку кузова. Но ей вдруг стало весело, будто она, как в детстве при переездах, перенеслась в совсем другую жизнь — новую, полную неожиданностей и приключений.

— Надо же, — живу! — почти с благодарностью посмотрела она на Игоря. Может, почувствовав этот случайный квант тепла, он начал сбавлять скорость, и резко затормозил метров за десять до надломленного бетонного столба, похожего то ли на букву «л», то ли на кособокое «п».

— Видно тут кто-то крепко врзался! — решила Елена.

— Приехали! — выдохнул Игорь, бросил руль и неловко упал правым локтем ей на колени.левой рукой он сгрёб подол её выдавшей виды походной юбки и зачем-то замотал в него голову. Он то всхлипывал, то тяжело дышал, подрагивая от предраcсветного озноба.

Лена сочувственно клюнула ему в предплечье, и начала тихонько поглаживать по влажному тёплому затылку.

— У-у-у... За что? Не хочу! — что-то бессвязное рвалось и подрагивало у неё под рукой, — Ла..., Ларочка...

Спрашивать ни о чём не хотелось, да и знать тоже.

Вся эта беспардонная реальность так называемой перестроечной эпохи настолько опротивела, что стала почти нереальной. Реальной оставалась только природа да ещё то, чем Елена управляла в своих «эмпириях».

Там, и только там, ещё билась, сбежавшая от явного маразма — расцвеченная чувствами, обогащённая целью и хоть каким-то смыслом, пусть и вымышленная, но — жизнь! В будничной же полудишанской суе все бестолково мельтешило, вело себя настолько неоправданно и глупо, что, пожалуй, не стоило и сожаления.

Наконец, Игорь успокоился. Она вытерла ему глаза и поцеловала в нос, как маленького. Оглядевшись, он поёжился, словно от навязчивого видения или пугающего воспоминания. Руки его опять заходили ходуном...

— Убил он кого-то здесь, что ли?.. — прикрывшись рукой, потихоньку зевнула Елена, — а впрочем, мне-то что?

У нас здесь давно уже — никому ни до кого нет дела! Стада беспризорных человеческих особей... Не было сказано ни слова. Машина развернулась, почти на месте, и повезла два нелепых существа назад, в места их невесёлого обитания.

На углу Детского мира сходу налетела на Пехтереву.

— Ты вчера смылась... А тебе новое задание, по Гоголю!

Пришлось сменить курс. Несмотря на субботу, областной архив был ещё открыт. Отряхнув в прихожей мокрый плащ, Елена подошла к дежурному архивариусу:

— Мне киносценарий заказали к юбилею Гоголя, минут на 25. Пожалуйста — всё, связанное с его посещениями Калуги.

— Повезло вам... — улыбнулась полноватая женщина с монгольскими скулами и ясными славянскими глазами, — я недавно в подвалах спасательные работы проводила: когда сильный ливень, иногда захлестывает. И вдруг... Ей богу, не было. Я сто раз эту папку перебирала. Как подложил кто! Вот, только сейчас в реестр и занесла. Чудеса... Кстати, сегодня в Гоголевку две фуры списанных книг привезут. Не интересуетесь?

Но Елена уже почувствовала знакомый озноб удачи.

Всё, что знала и помнила о Гоголе, вдруг сконцентрировалось в районе рабочего стола, игнорируя даже багровое полыхание заката за зарешеченными окнами архива.

Работа захватила с головой. Но сколь резким был выброс творческой энергии, столь быстро он и закончился, и на смену пришла неимоверная усталость, а может, Елену просто сморило в тепле после промозглой уличной сырости...

Разбудило её ощущение чьего-то присутствия. Запах отсыревшего прорезиненного плаща. Лёгкое покашливание. Подняв голову, она подслеповато уставилась на незнакомца.

— Ну, и много накопили-с? — Мокрая шляпа. Чёрные пряди вдоль щёк. Ямочка на подбородке. Хитрая носатая улыбка.

— Господи... Николай Васильевич! Собственной персоной! — уцепилась Елена. — Знаете, если честно, пока не очень...

— Это хорошо, что не очень. Нечего копать, где не следует.

— Но, как же?... Юбилей всё-таки... Да и Россет, наша ведь, калужская...

— Ну, Россет, положим — молодчина! Низкий поклон ей. Кое в чём поддержала... И это — в Калуге-то! Дремуч тут народец, ох дремуч... Просто непрошибаем! А знаете, многие душеньки мои, что из «Мёртвых» — ведь от вас, из вашей губернии да окрестных! В Малороссии таких типажей мало: может, оттого, что народец посылей?..

— Простите, а можно хоть пару слов о Россет?.. — просительно заглянула ему в глаза Елена.

— Ох, и настырный же вы народец, шелкопёры-с. Такое подчас нароете, никакой нос не выдюжит, сбежит, и всё тут!

Ведь не было у нас ничего! Ну, взгляд... Ну, вздох. Ну, шляпа слетела, хорошо, не голова. Спросила как-то, люблю ли её? Смелая, однако, женщина. Смолчал. Не убеждать же, что не люблю?

Так нет, всё неймётся вам, шелкопёрам, теперь ещё юбилей какой-то выдумали... Родился — юбилей! Помер — юбилей! Даже кончину нашу, под водочку-с, будто праздники, отмечаете. Самим-то не чудно?..

— Бывает...

— Господи, всегда боялся, что достанут вот такие из гроба, и ну — вертеть...

— И что?... Вертели?

— Не руками, так словами...

— Но словом-то — носом вниз в гробу не повернёшь!

— Да пусть плетут... Словотворцу без слухов не можно.

Слухи, они скучное и пустое оживляют: если надо — и нос сбежит, и голову сопрут...

Кстати, а что если — сам и спёр?... Для слухов-с. Рядышком поискали б, нашли б. Хороша завязочка?..

А, представляете, какова развязочка может быть, например, с такой настырной, как вы?!

— Ой...

— Вот вам и ой. Аванс, небось, уже взяли, и приличный?

— Для меня — да.

— Ну, вот... А денежки, да ещё за чертовщинку... Вы ж её копаете, чего лукавить? Сами понимаете, чем пахнут-с.

— Так что же?.. Отказаться?.. — Елена растерянно уставилась на уже готовый сценарий. — А я думала...

— Иногда думать вообще не стоит, чутя надо — кожей, шкурой, натурой... Знали ведь, не могли не знать, что с теми было, кто за мою тему брался, а туда же! Небось, и дети есть?..

— Нету.

— Ну, это уже легче.

— Знала. Но как-то... Уж больно нищета одолела. Сами видите, какое теперь время!

— Все времена одинаковы. Честь. Совесть. Правда. Они или есть, или нету. А всё остальное — игра-с... Вот и играем-с, как, впрочем, и жизнями своими-с. Ну, ладно, чего скуksились-то? Что-нибудь придумаем. На то мы и писатели.

— Правда?..

— А знаете, голубушка, вы эту нашу встречу и запишите, только моим словами... Покопайтесь в книжках-то, там у меня диалогов предостаточно. И чтоб ни единого словечка своего, ни единого, слышите?! Тогда, кто нагородил, тому и отвечать!

— Что-то в этом... — на минуту смутилась Елена. — Ну, ладно. А всё-таки, вторую часть «Мёртвых душ» — под горячую руку сожгли? Или было за что?

— Вот неужённое племя! Да просто поведал отцу Матвею из Оптиной, что когда пишу, будто нащёптывает кто. Вот он и велел сжечь! Сжечь-то я — сжёл! Но ведь черновички-то — всегда остаются... Этот — на раскрутку приберёг, та — мыло в сундуке переложила. Бумага всегда в цене.

— Так значит...

— Да проснитесь же, вы! Мы уже закрываемся! — Потрясла Елену за плечо уборщица. — Сдавайте ваши бумажки. Закрываемся.

Смущённо прошмыгнув к выходу, Елена вынырнула за порог и заскользила по глинистым размывам в сторону Гоголевской библиотеки, «поохотиться»...

На улице было ещё светло.

— Странно, может, и не было этих двух часов? Да и заката тоже?..

До Гоголевки далековато, но, поднявшись к площади Ленина, Елена вдруг попала в облако искрящегося розоватого тумана и, выбравшись из него, обнаружила себя уже под вывеской библиотеки.

— Уф... Может, это и был красный туман, о котором всё время пишут и говорят? Угораздит же... Сторожиха уже ждала у входа. Книги, где стопками, где навалом, были разбросаны по всему коридору. Карамзин, оба Толстых, Золя, Куприн, Тургенев... Сначала Елена кинулась на них, как оголодавший в походе подросток. Всё гребла и гребла к животу, пока стопка не начала валиться на голову...

И вдруг в единственное здесь окно заглянула огромная, как всегда чем-то недовольная луна. Серебристо-мертвенный свет тотчас изменил окружающее до неузнаваемости.

Стопки книг в полутёмном коридоре стали походить на надписанные бронзой надгробья. Тиснёные профили... Крупно имена и фамилии... А на некоторых — и даты.

А ведь все эти тома... — гробы непрожитых жизней своих авторов! — Вдруг испугалась столь крамольной мысли Елена. — Ведь, когда писали, вряд ли жили, вымыслом упивались... Интересно, пожалели когда-нибудь? Скорее всего, да, уже перед концом, когда все скрытые смыслы проясняются.

Но разве вырвешься из цепких лап служения? Ведь как без смотрящего со стороны по Яну Рыбовичу? Каша будет. Бессмыслица... — Но почему-то опять захотелось именно этой «каши», своей, собственной, реальной, со всеми бедами и радостями. И, захватив только «Историю государства Российского», она вышла на ступеньки, присела у открытой двери и уставилась на луну.

— Завыть, что ли?..

Мещовский район

Ольга
Шилова

ОЛЬГА ШИЛОВА

Когда мой скорый с рельсов сходит —
он долго-долго мчит ещё —
по бездорожию чашоб
на долгом ключика заводе...

потом — как змей — скользя на брюхе —
в пути колёса растеряв —
всё в том же ритме — в том же духе —
ни капли прыти не уняв —

наоборот — всё разгоняясь —
и вот уже — летящий змей —
вагонной лентой извиваясь —
к конечной станции своей —
к искрящим рельсам эмпирея —
стремительно вершит полёт...

О, если б был чуть-чуть длиннее
земного ключика завод...

На заре — почти одновременно —
просыпаются монахи и птицы.
И по внутреннему зову — мгновенно —
начинают щебетать и молиться.

Как на розовой небесной странице —
незапятнанной никем и невинной —
первым делом спешают излиться
перед Богом — во святых Своих — дивным.

И такое по утрам постоянство
с незапамятных веков и поныне:
оглашается немое пространство —
восхваляется Господь во Святыне.

Я спускаюсь в монастырский овражек,
тороплюсь к вечерне на запад солнца,
где среди июньских гнёзд певчих пташек
на восток выходят келий оконца.

Всё чаще и чаще — за перегородкой —
скребётся как мышь — эта страшная тайна...
Но хочется жить, улыбаться на фотках,
и с миром общаться в режиме онлайн.

Но, может быть — жить — это тоже привычка?
и это — с рожденья — натура вторая?
Когда после вспышки не вылетит птичка —
то вылетит ангел навстречу из рая...

И пьяненький с расплывшимся лицом,
и клоун в перевёрнутой бейсболке,
и девочка с весёленьким отцом —
летающие по площади вокруг ёлки...

И пышная певичка в мишуре,
и что-то ей кричащие по пьяни...
Мы все в одной заверчены игре:
Тамары, Пети, Коли, Тани, Мани ...

Рассыпанным как бусы, как горох —
уж сколько тысяч зим по белу снегу —
ломтя не уберегшим — что до крох? —
не сытно с человеком человеку...

Не заморить и червяка ему,
что гложет дух, лишённый пищи рая.
И Господу как выжить Одному —
от голода любви к нам умирая?

Только шесть чёрно-белых страниц
в Твоей страшной земной нераскраске.
Но в четверг — аж за три дня до Пасхи —
мы накрасим куриных яиц...

Ещё Пост, ещё в церкви поют:
«Да молчит всяка плоть человека...» —
а все хлебопекарные печи
нам пасхальную сдобу пекут...

«Марфа, Марфа! В дни скорби Моей —
не была ты со Мной ни часочка...
столько ты напекла куличей,
а ведь Я не просил ни кусочка»

Обнинск

Наталья
Никулина

Вера
Чижевская

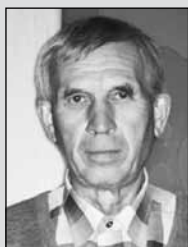

Эльвира
Частикова

Татьяна
Горшкова

Меркурий
Ильин

Галина
Ушакова

Александр
Николаев

Любовь
Пермякова

НАТАЛЬЯ НИКУЛИНА

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ

самый страшный суд
самый последний
самый правый —
все кто любил —
направо.

1.
время пришло
и стоит вокруг
как вода в стакане
только руку протянуть...

2.
вдруг
на пересечении трёх улиц —
Ленина Победы и Курчатова
я встретила Бога.
он был чем-то похож на Королёва
немного на Казачковского
немного — на Бондаренко
и самую малость — на Деда Мороза.
за горлышком
его белой футболки
как это любишь делать ты
торчала ручка.
он шёл нарушая
все правила
дорожного движения
впрочем
в час пик
на дорогах не оказалось ни одного
автомобиля.
он шёл ко мне а когда приблизился то —
то ли прошёл мимо
то ли растворился во мне.
надеюсь он не исчез совсем.
это было бы не по-божески.

3.
город в котором я живу
младше меня на целый год.
люди которые в нём живут
старше меня на целую вечность.
они построили этот город для меня
чтобы научить жить
целую вечность
по законам элементарной частицы
любви.
боги которые не знают что они боги...

4.
обручённые радиацией
мы с тобой
навсегда
тоже может быть любовь
на атомном уровне.

5.
теперь я знаю:
время — фантом
ускользнувшего рая —
то болит
то проходит.

чем дольше живёшь
тем больше уходишь в себя
погружаешься как венеция
исчезаешь как атлантида.

пятикнижие Достоевского
на Четьи-Минеи
меняю, старею.

мысли приходят
и уходят
а человек остаётся.

хоботки времени
трубят отбой
так о чём это я?..

ВЕРА ЧИЖЕВСКАЯ

ПАМЯТИ МАРИНЫ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

1.

СЕМЬЯ

*«Ты стол накрыл на шестерых...»
М. Цветаева*

Марина Ивановна, будьте моим провожатым
по тарусской тропе, чтоб у Камня оставить цветы.
Я у сердца ношу Ваши строки пружинисто сжатые
много лет, много зим, избегая чужой слепоты.

Всё мне кажется, не было войн, лагерей, революции,
не готовы все пули ещё для напрасных смертей...
На столе самовар, тонко звякают чашки о блюдца,
вся семья Ваша в сборе и живы все трое детей.

Но за этим столом Ваше пятое место пустует...
Полстолетия спустя мне опять суждено пережить
Вашу казнь над собой... И понять...
Не печалиться всеу,
что цветы на могилу - для Вас - не могу положить.
Вы цветы не любили...

2.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ
В МОСКВЕ В БОРИСОГЛЕБСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

*«Над синевою подмосковных роц
накрапывает колокольный дождь...»
М. Цветаева*

Марина Ивановна! Вы пожелали придти
в свой переулок у церкви Бориса и Глеба?
Как же трагически долго Вы были в пути!
Дождь колокольный с тех пор не спускается с неба.

В тридцать-погибельном страшном советском году
Вас не встречали ни хлебом, ни солью, ни лаской.
Лишь оказались бельмом на глазу - на виду -
Ваши манеры и речь со старинной окраской

Вот и сейчас Вы сидите, но так, как сидят
женщины века, который серебряным звали.
Скульптор отметил Ваш гордо-таинственный взгляд,
тот, что бывает у дамы, танцующей в зале.

Было и это в далёких туманных годах...
Только недолго пришлось по паркету кружиться.
Стыли у горла стихи, среди дня и впотьмах
требуя права на жизнь, как дитя роженицы.

В бедной Елабуге смерть, карауля слова,
сжала в короткой записке последние строки,
но до конца не пришлось ей достичь торжества:
Вы – рядом с нами, и мы уже - не одиноки.

3.

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Марине Цветаевой

Голос мой не звучит в этом городе бедном,
где спешит опуститься дождливый туман.
Не в такую погоду одеваются в белое.
Не за этим столом пьют последний стакан.

И не в этом краю мне лежать успокоенной,
не на этой земле будет крест мой стоять.
Сходит ветер с ума, бледным солнцем настоящий,
но подавится веткой и будет молчать.

Здесь следы мои гаснут, дождями потушены.
И живу я давно не по здешним часам.
Губы не разомкнуть, что до крови прикушены:
тяжело отвечать неземным голосам.

Задыхается речь в этом городе бедном,
бьётся рыбой, попавшей нечаянно в сеть...
Не в такую погоду одеваются в белое.
Мне бы чёрное лучше сегодня надеть.

4.

ТАРУССКИЙ ВЕТЕР

Марина Ивановна! Опять рябиновая осень.
Такая яркая, что больно глазам.
Как только первые листья клёны сбросят -
открывается золотая дорога - к Вам.

В груди России не смолкает звучание
тарусского ветра, который свеж и упруг.
И я на борту - от берега отчаливает
речной катер - посыльный встреч и разлук.

Как стало бы хорошо, если бы на борту судна
Ваше имя осенними буквами плыло по Оке.
Детей России с опалёнными судьбами
прибывает к берегу не налегке:

бесценный груз пережитого от тома к тому
плывёт в двадцатый, двадцать первый и неведомый век.
И кусочек обоев от Вашего разрушенного дома
хранит в Тарусе один удивительный человек.

Марина Ивановна! Рябиновая осень на исходе!
Пахнет дождём и тропинки в заплатках листвы.
Мы с продрогшим ветром тихо по тарусским улицам бродим,
за мороженными стихами, которые оставили Вы.

5.

ПИСЬМО ИЗ ТАРУСЫ МАРИНЕ ИВАНОВНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

В Вашем городке в нынешнем году
очень много плодов рябины...

В маленькой уютной галерее
есть Ваше изображение.
Мне показались тёплыми
Ваши волосы и плечи.
И я осторожно прикоснулась к ним.
Пусть не обижает Вас
мой дерзкий поступок.
Тому виной вдохновенная работа
знакомому Вам скульптора.

...Вы подозревали и были правы,
что Ваш свет будет тревожить живущих
после Вас.
Опоздавшая родиться — я —
приехала в Ваш городок,
чтобы попытаться возратить время.
С прискорбием сообщаю,
что это до сих пор никому не удаётся...

ЭЛЬВИРА ЧАСТИКОВА

МУЗЫКА ОСЕНИ

ПИСЬМА

Наши письма — замена молчанию,
Отчуждению, отбытию, сну,
Переменным ветрАм, одичанию...
Так волной прибывает волну.

Слово выдохнуто, слово зАслано,
Переплавлено в личную вестЬ
Для того, чтоб цеплялось вновь зА слово
То, что было у нас и что есть.

Вроде буквы — простые все, буковки
Без претензий на лесть или ложь,
Но пристёгивают, словно пуговики,
К жизни намертво — не отдерёшь!

МУЗЫКА ОСЕНИ

Облака многослойные небо скрывают всё больше.
Время явно сгущается тут, в околотке моём,
Впрочем, как и в Германии, в Латвии, в Бельгии, в Польше...
Мутно смотрит прохожий, заливший глаза сентябрём.

- Хочешь, вместе поплачем, - ему говорю беспонтово. —
Ведь на то у нас — сумерки ранние, песни, дожди...
Он не хочет, он бренность обязан исправно до крова
Донести, до жены, с коей жить, выбираться в вожди.

- Завтра ж — выборы, - я вспоминаю, - давай, бедолага,
Жми к своим! Правда, ну, не тебе же сворачивать так
Элегично с пути, если ты не ходок, не бродяга,
Не алкаш... Слава Богу, ты — НЕ, ты — конкретный чувак.

Я одна дотянусь, если надо, до струн контрабаса
Разливного сезона, я поднаторела уже
За прошедшие годы. Ты знаешь, как хочется джаза
Иногда... побывавшей в заоблачной вате душе!

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Валерию Прокошину

Так никто уже смеяться в этом мире не умеет
Над собой и над другими, рассыпаясь на «ха-ха».
Может быть, твои девчонки, дочки, выросшие феи?
С бубенцами, с хрипотцою, растянув судьбы меха.

Обниму их и поглажу, до тебя не дотянуться.
Ты и снишься отдалённо, тамбур не преодолев.
Я выманивать не смею на крутящееся блюдо
Ни души твоей, ни строчек — на тупой парад-алле.

Я тянусь к тебе иначе — вспять по памяти, по шпалам.
Отчего нам было вольно и так молодо-смешно
В Полотняном и Тарусе, Боровске, Калуге, Малом?
Словно чей-то хитрый пальчик направлял нас на одно.

Так никто, как ты, смеяться больше не готов со мною,
А верней, сама не в силах хохотать я, как с тобой.
Ты ушёл, и прежней жизни нет, в ней кончилось смешное.
Вот ведь, есть же справедливость, и не видит лишь слепой!

ДОРОГА

Не смеётся, не поётся, не играет глазами.
Лишь дорога-длиннонога — нет конца! — бежит лесами.
Слева — сосны, справа — ели, кое-где ещё орешник...
А плечом к плечу — водитель, по улыбке видно — грешник.

Я молчу, храню серьёзность, не хочу быть приключеньем
Ни его и ни другого, только — смыслом и значеньем!
А иначе, согласитесь, и двусмысленно, и мутно.
Ведь в себя ему поверить без соперников не трудно.

AVE, МАРИЯ

Было дело: сердце пело,
А потом рвалось.
Всё за год перегорело.
В пустоту вбит гвоздь.

Может, острый, может, ржавый,
Может быть, стальной...
Ave, Божья Матерь, ave!
...Но какой ценой!

ТАТЬЯНА ГОРШКОВА

ВЕРЛИБР № 16. ГУРЬЯНОВСКИЙ ЛЕС

От школы — сквозь лес — можно наискосок
пройти на работу к маме.
У нее —
печатная машинка и чай.
И приятный больничный запах.
Но про лес говорят, что бандиты кругом...
Иду по тропинке,
петляю.
Путаю след, спотыкаюсь о корни,
оглядываюсь, присев...
Кукушка кукует: десять, пятнадцать...
Нет, не зарежут сегодня меня!
Кругом —
лишь наивные желтые пуговицы
куриной слепоты
торчат из травы.
Не смотрю на них.
Я не хочу ослепнуть!

ВЕРЛИБР № 20. БАМ

И почему же
назвали БАМом
этот
автомобильный мост?
Зима. Мы с Наташкой (и мамы не знают!)
часто ходим сюда встречать поезда.
Зеленый зажегся — снежки наготове,
лежат
в рядок на периллах.
Приветливо машем двум машинистам —
они нам свистят.
А потом — атака!
И так
невыразимо приятно,
что реже Наташка в грохочущий поезд
с моста попадает
мокрым снежком!

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

«Внимание, поезд!
По первому пути!
Из Москвы!» —
готовый верлибр,

не правда
ли?
В нем образ есть,
и ритм есть,
и перспектива. Но...
«Внимание, поезд!
По второму пути.
Из Брянс-ка (?..)» —
гораздо сильнее —
этой нелепой,
пугающей разум
интригой!

СЕМЬ ЛЕТ ЛАГЕРЕЙ

Двадцать оранжевых мытых автобусов —
друг за дружкой,
в караване,
увозят детей в пионерский лагерь.
Милиция —
сзади и впереди.
Я — на пыльном заднем сидении,
глотая слезы, смотрю на мальчиков,
смотрю на девочек, смотрю в окно.
Это, я знаю, только сейчас
каторгой кажется первая смена.
Потом — ничего, пообвыкнусь...
Буду на танцах учить «Сиртаки»,
буду ходить в кружки —
на шитье,
на макраме, на вязание...
И непременно влюблюсь
от скуки...
Смотрю в окно, смотрю на мальчиков...
Надо кого-то наметить!

ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ

Я помню себя пионеркой —
в плащ-палатке защитно-зеленой,
майским холодный днем
у начищенной
латунной звезды.
Спину чуть-чуть
греет огонь,
и хоть это слегка утешает.
Под плащом,
на новых, белых колготках —
две страшных дыры
на коленках!
Бежала, опаздывала, упала...
Стою — незаметно плачу.

МЕРКУРИЙ ИЛЫИН

ЗВЕЗДОЧКА

Впервые близко и осознанно я соприкоснулся с последствиями прошедшей войны, когда мне было 6 лет. Жил я с родителями в крупном райцентре, на улице, где напротив моего дома располагалась местная достопримечательность — пивная, торговавшая разливным пивом из деревянных бочек.

Вокруг пивной всегда толпился народ, среди которого было много тех, кто остался без руки или без ноги. Одеты они были, в основном, в ватные фуфайки, военные гимнастерки и солдатские шапки-ушанки. Мама объясняла, что все они — инвалиды войны.

Выносили пиво обычно в чайниках. Мужики усаживались группками по несколько человек на короткие бревнышки — дровяные заготовки и, разливая пиво в стеклянные банки, пили. Закуривали. При этом запомнилось мне, как однорукие обхватывали пальцами руки пачку папирос типа «Север» или «Памир», зубами вскрывали упаковку и губами высасывали папироску. Но чаще курили самокрутки, изготовленные из газетной бумаги, начиненные махоркой.

Мы, пацаны 5–7 лет, жившие поблизости от пивной, ошивались здесь постоянно. Нашей целью были пустые спичечные коробки. В те годы у мальчишек дошкольного и младшего школьного возрастов была повальная страсть — коллекционирование наклеек со спичечных коробков. У всех были одинаковые коллекции, сформированные приобретениями в одних и тех же магазинах села. Найти что-то новое можно было только у жителей, приехавших из других мест, в основном — водителей машин, которые посещали пивную.

Пивная притягивала и инвалидов войны. Здесь они легко находили общий язык среди себе подобных. На работу их не брали. Пили они от безысходности, пропивая всю свою пенсию по инвалидности. Зачастую, оставаясь после обильного возлияния на ночь на улице, к утру замерзали. Так со временем редело число посетителей пивной — инвалидов войны. Не все могли найти себя в новой жизни, приспособиться к изменившимся обстоятельствам.

Все это я понял позже. А пока мне 6 лет и я «дежурю» у пивной. Вдруг ко мне обращается одиноко сидящий на бревне в фуфайке, в шапке, без одной ноги (деревянный протез лежал рядом), плохо бритый дядя, подзывает меня к себе и просит принести из дома немного хлеба, так как купить — нет денег. Он знает, что я, как и другие пацаны — охотник за наклейками, и обещает сделать мне подарок. Я побежал домой, и, схватив со стола полбуханки хлеба, принес ему. Он поблагодарил меня, спросил мое имя, назвал свое: Василий. Затем снял с головы шапку, выдернул из нее звездочку, дал мне прямо в руку и сказал: «Вот мой тебе подарок, не теряй, береги звездочку, мне она уже не нужна».

Я принес звездочку домой. Спустя несколько дней я рассказал матери про этот подарок. У матери почему-то на глазах появились слезы и она, смахнув их, решительно потребовала вернуть звездочку инвалиду-солдату.

Я несколько дней подходил к пивной, но того, кто преподнес мне подарок — не было. Я спросил у завсегдатаев пивной о Василии. Мне сказали, что он два дня, как помер.

А подарок — звездочку, покрытую красной эмалью, в результате многочисленных переездов, я потерял. Не выполнил просьбу солдата.

ГАЛИНА УШАКОВА

ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ

Две вещи на свете не переносил Виктор Петрович: женские слезы и желтые цветы.

Женщина любит пустить слезу. Не в том смысле, что действительно любит, а натура женская устроена так, что без слез не может. Разновидностей глазной влаги множество, но Виктора Петровича убивали не те слезы, что лились из-за сострадания или горя, а выкупные, которыми особа женского пола хотела что-то получить с особы мужского пола. Хотя, глядя на Виктора Петровича, сразу понимаешь, что с него черта лысого возьмешь. И, тем не менее, слезы срабатывали. Потому как осиным жалом вгрызались в сердце, разжижали кровь до воды по всем сосудам, вызывая сотрясение ног и рук, и одышку, и потерю дара речи. Ох! Всего не перечислишь. Виктор Петрович уступал, отступал, смывался, линял и шел в церковь молиться Николе Угоднику о крепости духа и тела.

Желтые цветы не любил, будучи солидарен с Мастером и Маргаритой, поскольку с момента знакомства с булгаковским романом тот стал для него и Евангелием, и гадательной книгой одновременно. Перечтенный множество раз оригинальный труд писателя был выучен почти наизусть.

Виктор Петрович завел толстую тетрадь в черном переплете, куда делал выписки из романа, сопадающие, по его мнению, с перипетиями собственной жизни, таскал тетрадь всюду с собой, и о чем бы не заходила речь, тыкал собеседнику под нос свои записи, листая страницы заскорузлыми пальцами.

Собеседников хватало: герой наш был сантехником, менял краны и унитазы, устранял засоры и в виде дополнительной услуги толковал хозяину или хозяйке многозначительные места из «Мастера и Маргариты», утверждая, что каждый может найти в романе себя любимого со всеми своими потрохами.

Хозяева в дискуссии не вступали, мудро рассудив, что порядок в сантехнической системе того стоит.

Опираясь на роман, Виктор Петрович занялся поисками своей Маргариты. Он твердо знал, что ею может быть только женщина с безумным одиночеством в глазах.

Надо ли говорить, что сантехник наш не раз ошибался. Личная жизнь не давалась ему в руки. Но магической роман оправдывал ошибки, утешал, поддерживал дух и тело.

Однажды в город приехала на гастроли довольно известная филармоническая певица Петра.

Эта Петра (не вполне русское имя, конечно же, псевдоним) была не так себе, а вполне. И, не только голос, но и внешность. Не замужем, но когда-то и замужем, что ее, впрочем, на данный момент не волновало. Искусство — вот моя истинная половинка! И точка.

Виктор Петрович не то, чтобы любил сольное пение. Но не отталкивал. Хотя сам пел (в охотку) в хоре клуба ветеранов. Он был творческая личность. И не только по сантехнической части. Печатал стихи в местной газете. Посылала пародии в «Литературку». Имел современное фото-вооружение, и успех по части его применения. В мэрии, в холле, на стене, слева от дверей, до сих пор висит его пейзажная панорама «Старые пруды». На дальнем фоне — женщина в белой шляпке. Злые языки говорили, что это жена мэра. А там кто знает!

Да-с, оказывается у Виктора Петровича много-с достоинств! И кто бы оценил!

По пальцам перечесть! Но были.

В тот достопамятный вечер сантехник вышел в люди. На концерт Петры. Волосы до плеч, усы и борода расчесаны, все вымыто, все блестит, даже галстук в горошек присутствует.

Оценщицы! Где вы? Ау?

Петра вышла и спела с блеском. Она была блестящая певица. Вполне дива. Или примадонна. Зал бисировал, стоя.

Одно плохо. В провинции оваций не жалеют, но жалеют денег на цветы. По мнению провинциалов цены на билеты гастролеров уже включают в себя расходы на букеты.

Жалкую желтую розу в блестящей обертке торжественно вручила руководитель клубного заведения, пригласившего Петру.

Петра смиренно приняла подношение. Она привыкла к скупости публики. Хотя цены на свои концерты не заламывала. А полный зал, а овации? Разве дело не стоит того? И чего еще ждать?

На сегодня все было кончено...

На сегодня не все было кончено!

Почти под занавес на сцену поднимается Виктор Петрович. Галстук завился на плечо. Брюки - колом. Глаза горят. В руках — ведерная охапка пунцовых роз.

Встает на одно колено, целует белоснежную руку певицы, слегка вспотевшую от нелегкой певческой работы, вручает цветы.

«Миллион, миллион алых роз!»

Зал взрывается петардами аплодисментов.

Занавес падает.

Публика расходится.

За кулисами пунцовая, как букет, Петра и успевший глотнуть из заветной фляжки аккомпаниатор собирают свой скарб, торопясь на электричку. Концертные эмоции позади, сборы приличные, голос не сел, такси ждет.

И тут снова появляется Виктор Петрович. Медленно, шатаясь от избытка чувств, он выползает из-за кулис, придвигается к спешащей на выход Петре, падает на колени, буквально выхватывает из рукавов плаща ее руки и покрывает поцелуями. И это не дешевый роман. Это — любовь. Но как догадаться?

Безумное одиночество в глазах певицы, безумное! пальцы холодные, прочищает горло, подкашливает, молчит, не понимая еще, что час настал. Или делает вид?

Маргарита, Маргарита! Не Петра, нет — Марго!

Она немного смущена. Вернее, сильно смущена. Ошарашена или делает вид? Станный мужчина! Ха! Что дальше?

Наивность или невинность? Опытность?

Такси ждет.

Петра рвется наружу.

Виктор Петрович умоляет. Умоляет подарить минутку. Она снисходит, машет рукой аккомпаниатору, мол, еще чуть-чуть, я не могу обидеть человека, застегивает тем временем плащ, никаких мыслей о Мастере и Маргарите. С чего бы?

Виктор Петрович решительно раскрывает свою тетрадь и торжественно читает: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке...» Листы черной тетради мелькают кастильским веером, высекая искры прямо из воздуха. Время обретает текучую форму, как на картинах Дали.

Петра покорена. Загипнотизирована. Обворожена. Пока не влюблена, но уже готова к этой участи. Однако в Москву укатила.

И началось.

Виктор Петрович каждый день названивает Петре на мобильный и улаживает ее слух любовными словами, цитируя Петrarку и Камюэнса.

Петра наслаждается и просвещается.

Петра влюбляется.

Не узнает самое себя.

Они уже не могут расставаться надолго.

В выходные дни он приезжает к ней с цветами и пирожными. Устраивает для нее фотосессии. Гардероб у дивы превосходный. Тело тоже. Петра переодевается, поправляется и без конца просматривает свои портреты. Один из них поместил на свою обложку журнал «Плейбой».

— Великолечно! Великолечно!

Друзья восторгаются, поджав губы, прежние поклонники утроили усилия. Но где там!

Новый почитатель торжествует.

Ему покорно уступают дорогу.

Или делают вид?

Петра далеко не девочка. У нее бывали мужья, любовники, приятели, спонсоры и так далее. Бывали не в смысле «заходили в гости», а в том смысле, что именно бывали. Но ни одного такого, как Виктор Петрович, не случилось.

Вся сантехника в московской квартирке Петры теперь всегда в порядке. В вазах постоянно свежие цветы. На столе в красивом оформлении стихи в ее честь, гороскопы на каждый день, заложенные закладками страницы волшебной книги Булгакова. Приятно смотреть. И в целом необременительно.

Виктор Петрович иногда сопровождал ее и на гастроли. Иногда, ибо был он прописан в своем городке, где занимал должность сантехника при третьем жилищном управлении. Планерки, дежурства, вызовы клиентов, зарплата. Имелась в некоем доме и комната с койкой, столом, книжным шкафом и прочей бытовой рухлядью. Кой-какие знакомые и приятели, бывшие пассии и бывшие жены, и прочее, прочее, чем обрастает человек в текущей своей жизни.

На гастролях влюбленный сантехник вдохновлял Петру - Маргариту, сидя в первом ряду с букетом роз или гвоздик, сирени, гладиолусов, орхидей, амариллисов, но никогда, никогда среди цветов не было желтых.

Длинные волосы косичкой, черная шляпа а-ля Михаил Боярский, гипнотизирующий взгляд Мастера. Или Воланда? А может, и вовсе инкарнированного писателя Михаила Булгакова?

В ее номере, если таковой случался, сантехника работала как часы, независимо от звездности гостиницы.

Гастроли шли, в основном, по близлежащим городкам. Городки приумножались. Гонорары и известность Петры росли.

Но она выглядела все той же очарованной возлюбленной.

Или делала вид?

Шоу-бизнес правил бал и королевой на том балу была Петра.

А что же Виктор Петрович?

Меркантильность была ему чужда.

Он оставался при своем галстуке в горошек и зарплате сантехника.

Бороду, правда, сбрил, осиротив усы.

Петра купалась в любви и славе.

Безмерное одиночество ушло из ее глаз.

Что-то должно было измениться.

Однажды, приехав к Петре, Виктор Петрович увидел на столе желтые цветы.

Мерзкие желтые цветы.

Мимозы, или нарциссы, или ромашки — не все ли равно?

«Так поражает молния, так поражает финский нож...» — шелестел страницами брошенный под тахту булгаковский роман.

Маргарита молчала.

Да и о чем говорить примадонне с каким-то сантехником?

СОПЕРНИЦА

Говорят, что в провинции чище нравы. Что настоящую любовь можно встретить только там. Причем, сами провинциалы тоже думают так. Но в жизни получается иногда и по-другому, жизнь не разбирает, провинция там или большой город. Хотя в маленьком городке все на виду, или кажется, что все на виду, а тайны и страсти бушуют ого-ого! куда там древним грекам или Шекспиру.

Вот, например, про Иру и Игоря и еще про двоих-троих, можно и не про них, можно про каждого в любом населенном пункте.

Конечно, школьная любовь. Конечно, встречи на старом заброшенном кладбище, поросшем белой сиренью и заселенном соловьями. Или в детском садике, где ночью абсолютное безлюдье, но не совсем, поскольку в городке немало парочек, и всем где-то надо встречаться, и не обязательно на кладбище.

Ирку прозвали цыганкой за черные глаза, черные волосы до плеч, за умение шелкать пальцами, глядя прямо в глаза собеседнику, так что он терялся и оказывался в полной ее власти, будь он хоть учитель, хоть одноклассник или даже из параллельного «Б». На женщин ее чары не действовали.

Учили детей в школе сплошь дамы, мужиком был только трудовик у пацанов, но давно старый и сонливый до одури.

Чистота провинциальных нравов сказалась в том, что Ирка своих кавалеров не стравливала, у подруг ухажеров не отбивала. Выбрала в десятом классе Игоря, хохмача и заводилу, и так до выпускного, до предложения выйти замуж, к чему родители обоих были готовы.

Но тут случилось самое обыкновенное: Игоря призвали в армию, свадьбу отложили, куда спешить, проверим чувства, родственники не настаивали — еще бы!

Итак, он служит, пишет письма, она отвечает, эпистолярный роман, эсэмэски, смайлики. Один раз отпуск. Брачная ночь на терраске ее дома. Все хорошо.

Демобилизация. Игорь сюрпризом едет домой, никого не уведомляет, золотые кольца в кармане, сердце в груди бьется так, что трудно дышать. Цветет черёмуха, весь городок, как в дыму, в её аромате. Мать Игоря тихо ахает, отворяя дверь сыну, отец обнимает крепко, по-мужски. Спешно накрывается стол, скатерть, сыр, колбаса, яичница с беконом, мать не ждала, не подготовилась, как следует, да и это ли важно? Сын дома, жив-здоров, остальное поможем, не зря копили деньги.

Ну, посидели, выпили, разговоры о том, о сем, о друзьях-товарищах, родных и знакомых, конца не видать, а время к ночи.

Игорь — одеваться, спешит прочь из дома, однозначно к своей Ире, но тут и отец и мать вцепляются, как доберманы, не пускают. В чем дело? Дело, оказывается, проще пареной репы. Ирка вышла замуж, три месяца назад, за сына Митрофановых, инженера-программиста, окопавшегося в столице. Ирку муж пока не забрал, подыскивает квартиру, поскольку она родила сына.

Молодой дембель цепенеет. Минуту-другую сидит, как вкопанный, потом вырывается из родительских рук, хлопает дверь, мать плачет, отец ходит по комнате туда-сюда. Обоим не до сна.

Бежит по городу, горькая черёмуха летит лепестками в лицо, Иркино окно светит, уже почти ночь, он поднимается на знакомый второй этаж, звонит, ему открывают, впускают.

Ирка, как Кармен, с розой в волосах, пусть искусственной, но красиво, а, главное, с дитём на руках.

Выяснили отношения. Ирка создалась, что ошиблась, вышла не за того, сама не знает, зачем, боялась, что ребёнок останется без отца. Игорь кричал: — Без какого такого отца? Чей ребёнок? Мой? Митрофановых? Молчи! Мне всё равно, чей, главное, что он твой.

Вот такая любовь, и она победила. Развод с сыном Митрофановых, тот сначала схватился за голову, потом смирился, гордо сказал, что он эту Кармен вовсе и не любил, так, пожалел по-рыцарски.

Иди ты со своим рыцарством знаешь куда, цедил слова Игорь, и правильно, туда программисту и дорога. Так не любят. Любят не так.

Тут вот что интересно. Отставной муж не растерялся и в отместку женился на Иркиной подруге детства, полной ее противоположности, блондинке, под Ксению Собчак, и тоже в очках.

Обе пары расписались в загсе в один и тот же день.

Ну, программист со своей в очках нам не интересен, хотя она, прежде, чем уехать с ним в столицу, навестила Ирку и сказала, что у них с её бывшим мужем любовь с первого взгляда, она очень счастлива, чего желает и Ирке. Ирка ответила ей, чтобы та катилась, и та покатилась, но уже с легкой душой, свободной от ревности к подруге.

Ирка с Игорем начали безбедную жизнь, но не очень богатую. Он работал в котельной, подрабатывал корреспондентом в местной газете и на телевидении, и вел ещё кружок фотодела в школе.

Она сидела с одним ребенком, потом с двумя, вышивала на продажу очень удачно картины цветной гладью.

В маленьком городке все вроде на виду, но это одна видимость. Времена изменились, народकिनулса зашибать денюгу, каждый стал только за себя. Вдруг проявились не русские нравы, началось попираание моральных ценностей и устоев, но все делал вид, что так и надо.

И в семье наших героев что-то сдвинулось. Ирка не понимала, что. Вдумываться в новые особенности не было времени: дети, уборка-готовка, вышивание, тут еще присовокупились женские болезни, муж деньги носил, выполнял супружеские обязанности, если она не была против, но, конечно, уже не так, как когда-то, довольно редко и без былой страсти. Так жили все знакомые семьи, даже те, кто сошелся не по такой большой любви, как у них с Игорем.

Дети отца обожали. Он возился с ними больше матери, сочинял сказки, стирал одежонку, водил в садик, учил плавать и лазать по канату.

И все же женской своей сутью Ирка чувствовала, что у неё завелась соперница. Будучи неглупой женщиной, она решила закрыть глаза на возможные проделки мужа и открыть их тогда, когда у него всё закончится. Невнимательно, но прислушивалась к слухам и сплетням в городке. Побывала в котельной, но там было тихо, коллектив чисто мужской, ночные смены с напарниками, все пожилые, отцы семейств, следов женских никаких.

В фотоклубе — дети, журналистскую деятельность не проследишь, ночевал Игорь всегда дома.

Но правду не скроешь. Правда, она, если время пришло, влезет в любую щель. Как таракан.

Прибирая раз на столе мужа, Ирка обнаружила пакет, а в нем фото. Вытащила, просмотрела, обалдела до тошноты. Пришлось бежать в туалет и оставить там все содержимое желудка.

Её соперницей был тележурналист Валера. Молодой, густоволосый, с наглыми блестящими глазами, часто называющий Игорю то по домашнему, то на сотовый. Она давно научилась по интонации мужа узнавать, с кем он говорит, а когда трубку приходилось брать самой, то там молчали и хрипло дышали с презрением.

После туалета Ирка вернулась в комнату и поплакала. Потом в ней заговорила ярость Кармен: она схватила ножницы и порезала все фотографии на кусочки и еще потоптала их ногами. Мусор сгребла в совок и выбросила в помойное ведро.

Потом она подумала о детях и решила оставить всё, как есть.

Через полгода Игорь разбился на машине вместе со своим любовником. Ирка осталась вдовой.

А еще через полгода в городок приехал бывший муж Митрофанов, оказавшийся и бывшим мужем подруги детства, которая сделала в Москве карьеру модели и бросила ненужного ей больше программиста.

Место жены оказалось свободным, и он предложил его Ирке.

Ирка предложение приняла.

МНЕ ВСЁ ЛЮБИМО ЗДЕСЬ...

Емайлы, телефонные звонки,
Реклама в синем ящике почтовом,
А во дворе — соседские кивки,
Чужая дама в парике лиловом,
Два бака с мусором и колченогий стул,
Раскрошенный для птичек бутерброд.
Я думаю: вот жил бы здесь Катулл,
Сменил бы пыл любви на натюрморт.
Кому же дать перо? Я не Катулл,
Тем боле, не Сафо. Стихи? Читаю.
Но Родину свою не понимаю,
Мне кажется, что дух её уснул.
Москва — не Рим. И прежних лет урок
Всё не идет нам, россиянам, впрок.

Мне всё любимо здесь и всё знакомо:
Черемуха у старенького дома,
Калитка со скрипучею петлёй,
Развешенное чистое бельё.
Вот бак для сбора дождевой воды,
Вот летний, светлой жести, рукомойник —
Былой цивилизации следы,
Которые оставил век-разбойник.
Кто годы доживает здесь свои?
Кому ещё здесь свищут соловьи,
И золотых шаров кусты сияют?
Я ничего о жителях не знаю...
Что они мне? И что для них я значу?
Я прочь бегу и по дороге плачу...

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ

СУЛИКО

*В сердцах ковалась та победа,
Росла у каждого в душе...*

Мое недолгое путешествие началось еще в девяностых. Летняя июльская пора манила в лес. Вот уже появились первые ягоды на рынке: земляника, черника... Захватывало дух, так хотелось ползти по затаенным лесным чащам, нарваться на полянки черничника, насладиться крупной и свежей ягодой. Когда-то, в восьмидесятых годах, нас возили на автобусе на черничники под Угру в Юхновский район. Впечатления от поездки остались хорошие: дружная, веселая компания и ведра свежей черники. Прошло несколько лет. И я задумал поехать за ягодами один.

Необычность моего путешествия заключалась в том, что я решил поехать автостопом. От Обнинска до Юхнова - часа полтора езды на автомобиле. Поймал попутку и вот он, тот самый заветный поворот, перед мостом, после которого мы уходим вправо и пробираемся в глубинку до деревни Климов Завод. По дороге водитель рассказал, что во время войны здесь проходила линия обороны. Немцы рвались к столице и создали на подходах, перед рекой Угрой плацдарм и аэродром. История военных лет взволновала меня, захотелось самому увидеть эти места. Бродя по лесным чащам, я наткнулся то на окопы, то на блиндажи. Много тайн хранят эти ветхие сооружения. Сидя в окопе, я представил себя на месте бойцов, и даже промок до нитки, попав под дождь. Ягоды тоже были. Встречались и малинники. В конечном счете, ведро наполнилось, и надо было возвращаться.

Дело близилось к вечеру, шел шестой час. Вышел я на дорогу, ведущую в деревню Климов Завод. Деревушка со старыми домишками и заваленными набок заборами и... ни души. Хотелось есть, да и обсушиться где-нибудь было бы неплохо.

У ближайшего забора я увидел женщину, внимательно разглядывавшую меня. Я подошел ближе. Обменявшись с ней приветствиями, спросил, можно ли зайти в дом, обсушиться, да и перекусить чего-нибудь прикупить. Женщина с удивительной радостью восприняла мои слова.

— Заходите, — сказала она с искренним сочувствием, — всегда рада гостям.

В небольшой, но удобной гостиной из мебели были только самодельный стол у окна, буфет, комод, да две небольшие лавки. На стенах — фотографии родственников в рамках, пожелтевшие от времени. На полу — вязаные коврики. Познакомившись поближе, узнал, что хозяйку зовут Клава Щербакова. Приветливая, гостеприимная. Она уже много лет жила одна. Муж не вернулся с войны. Вестей о нём никаких не было.

Хозяйка налила мне чаю, я слушал ее длинный рассказ про мучительные военные годы, как немцы гоняли всех жителей деревни на строительство аэродрома, как она болела после этих работ, как питалась одной картошкой. В углу горенки стоял старинный комод, на нём я заметил что-то интересное, накрытое большой накидкой. Поинтересовавшись, узнал, что это старый довоенный баян мужа, который много лет ждет своего хозяина.

— Вот так и живу, — с грустью сказала Клава, — топчусь на месте, а его все нет, говорят — пропал без вести. А ты, сынок, что, умеешь играть на нем?

Она осторожно сняла накидку с баяна, сложила вчетверо и положила рядом. Старинный баян выглядел нарядно: перламутровый, с блестящими кнопочками.

— Хорошо сохранился, — сказал я Клаве.

— Я его берегу, протираю, осталась память на всю жизнь. С ним вся моя молодость и прошла. А ты сыграй мне, сынок, «Сулико», — попросила Клава, и в глазах ее было столько надежды... Лишь только я взял первые аккорды старой грузинской песни, на глаза ее навернулись слезы, и она запела:

Я могилу милой искал,
Сердце мне томила тоска,
Сердцу без любви нелегко,
Где ты? Отзовись, Сулико!

Вдруг она встрепенулась: «Ты, сынок, посиди, подожди минутку, я соседку Зину Кузьмину позову. Её муж тоже не вернулся с войны, мы хоть вместе попоем», — и выбежала во двор.

Ждать пришлось минут пять. Через окошко я увидел двух бегущих от соседнего домишки женщин. Зина несла в руках большую чашку, накрытую полотенцем, в другой руке была бутылка, по всей видимости, вина. Ну, думаю, пропал! Женщины споро накрыли стол, разложив свои небольшие припасы: картошку, лучок, огурчики соленые. Клава вытащила из буфета старинную солонку с крупной солью и темную бутылку вина. Зина выставила свою бутылку. Аккуратно нарезав круглый хлеб, Клава разлила по рюмочкам вино, две — поставила отдельно, накрыв их кусочками хлеба, сказала: «Давайте помянем мужей наших, вечная им память...» Самодельное вино из ягод оказалось довольно приятным, сладким. Никогда еще я не испытывал такого душевного спокойствия. Первый раз я видел этих женщин, но так близка и понятна оказалась мне их беда.

...Я играл на баяне, как никогда еще не играл. Обе женщины подхватывали слова старых песен, замолкали, плакали, опять запевали, смотрели на меня с такой добротой, словно за всю жизнь не видели гармониста. Снова плакали... Рассказывали, что немцы в деревне не лютовали, но отбирали все съестное, резали птицу, скотину, а стариков выгоняли жить в сараи. Сами же жили в домах, пили и орали песни. И они тоже прятались в сарае у домишки, спали на соломе. Его и сараем-то не назовешь, полупогреб, землянка. Вот так и жили, а утром немцы всех выгоняли на работы. Кругом стоял гул самолетов и слышались раскаты канонады. Клава рассказывала: «Мы молились каждый день за наших, чтобы не пустили немцев в Москву».

Для меня эти две старые, беспомощные женщины, верившие в нашу победу, были настоящими героинями, выдержавшими все тяготы оккупационной жизни. Мне по-настоящему их было жаль, но что я мог для них сделать? Я им играл и пел вместе с ними. Уже и ночь наступила, а мы все сидели, пили чай и пели: «В боях под Вислой...», «На поле танки грохотали...», «Горит свечи огарочек...», «Бьётся в тесной печурке огонь...», «Выходила на берег Катюша...» Вот так и просидели до пяти утра. Как они не хотели меня отпускать! Клава все говорила: «Приезжайте еще к нам, поживёте, и ягодок пособираете, и грибков, мы будем рады». Запомнил я их лица — худенькие, измождённые. Запомнил наш трогательный вечер и теплую ночь; старый, звонкий баян и песни.

С рассветом я вышел из деревни. Клава с Зиной провожали меня до моста к речушке. Хоть речушка и небольшая, а удивила она меня своим названием — Рудянка. У меня, на родине, на Урале, похожая речка — Нейва, а бежит она мимо деревушки — Рудянка. А станция называется Нейво-Рудянская. Вот — судьба! Две маленькие речушки, а как они нас сблизили, сдружили.

...С тех пор прошло лет двадцать. Как-то на майские праздники вновь приехал я сюда. Опустели домики, заросли травой, завалился сарайчик. Нет уже тех добрых хозяек, а фотографии на стене до сих пор висят, смотрят на нас, напоминают о былом. Я долго бродил по окрестности, припоминая подробности той давней встречи и этих женщин. Память о них сохранилась. Память о великом человеческом подвиге, о великой вере в победу, память о русской человеческой душе.

ЛЮБОВЬ ПЕРМЯКОВА

КАК ЗОВУТ ПАПУ ЁЖИКА?

Конец июня. Тёплый безветренный день. Сонная тишина так окутала время, что даже стрелки часов зависли — не шелохнутся, как эти листики на деревьях. Только глухое, монотонное жужжание золотистых шмелей, выходящих над клумбовым разноцветьем.

Солнце греет ласково и осторожно. Я лениво наблюдаю за полётом пчелы. Ах, маленькая трудяга, сколько ещё предстоит тебе, чтобы добыть для меня хоть каплю мёда... А я вот, разомлев, сижу под тентом на качелях да бездумно обвожу взглядом дачную прелесть, навевающую грусть своим утомительным, ярко-зеленым однообразием...

Вдруг тишину прервали резкие гортанные крики — то ли птицы, то ли зверя?

Я подняла голову и уткнулась взглядом в мягкую зыбкость легких перистых облаков. На небе ни единой птицы... Пусто. Только взметнулась откуда-то из-под веранды, сплошь увитой лозами дикого винограда, огромная ворона. Вцепившись когтями в какой-то шар, она почти бесшумно тяжело махала своими чёрными крыльями. Тоже мне птица...

Здесь часто можно наблюдать, как высоко парят ястребы, высматривая зорким глазом добычу, а после красиво, будто бумажные самолётики, падают на землю. Но нет. Это не крик ястреба. Ястребиный клик похож на плач грудного ребёнка. Да и доносятся эти странные звуки не с неба, а с земли. Ну вот, опять...

Звуки стали разнообразнее — то фыркающими и чихающими, то — будто кто-то ворчит и клацает зубами. Ага, понятно — доносятся от кустистой веранды. Небось, ежи.

Они часто приходят к нам в гости, так как наша дача крайняя и находится в десяти метрах от леса. Но ёжики фыркают, пыхтят, издают звуки, похожие на шум лодочного мотора, но что-бы кричал, да так громко, так тревожно... Да вот же он, и крупный какой... Ну, чего расшумелся?

И тут меня осенило: это не ёж, это — ежиха-мама! И вот почему она так отчаянно, так горько кричала! Страшная ворона утатила её малыша. Бедная... Бедная...

Однако, странно. Ежат у мамаш всегда несколько и покидают они гнездо под присмотром матери. Становятся самостоятельными только к концу лета. На воле они робкие: и держатся вместе, и от матери ни на шаг.

Когда я услышала тихий свист и кряканье, очень похожее на птичье, то уже не удивилась. По дорожке, вымощенной гладкой плиткой, семенил маленький, с мою ладошку, ёжик. Наверно, неразумная ежиха устроила гнездо под лианами моей веранды в какой-нибудь ямке. Здесь у неё и родились ежата.

Ёж — единственное животное, которое может подпустить человека довольно близко. Но вовсе не потому, что он такой храбрец. Просто плохо видит и больше надеется на свой нюх. А сегодня — ни ветерка, вот и не почуяла ежиха хищную ворону.

Ежонок сошёл с дорожки на газон и побежал к альпийской горке. В верхнем ярусе декоративного бассейна воды было чуть-чуть. Для экзотики бассейн украшали камни и морские ракушки, привезённые нами с разных морей. Зверёк легко спустился в бассейн, встал на круглый камень и начал лакать, как котёнок, воду. Напившись, попытался вылезти на траву, но — увы! Лапки скользнули по отвесной стенке, и он смешно падал вниз.

«Надо спасать малыша», — подумала я и пошла в дом за перчатками.

Обычно ёж натягивает себе на голову колючий капюшон и, выглядывая из-под него, ждёт, что будет дальше. Если к нему подойти поближе или дотронуться, он начинает пыхтеть и слегка подсакивать, стараясь уколоть иглами. Но малыш ещё не знал «ежовой» премудрости и ничуть не испугался моих рук, только смешно паялился своими чёрными глазёнками. Я поднесла к ежонку ладонь совсем близко... и кожей ощутила живое, струящееся тепло сквозь ещё мягкие и светлые колючки. «Малыш, — сказала я ему, — глазки у ежат открываются не для того, чтобы хлопать: ими познают мир. И лучше, если с помощью мамы. Ну, ты понял, да?..»

Надев перчатки, осторожно вытащила шалуна.

Ежонок смешно засеменил по дорожке. А мамаша так меня и не заметила — она быстро потопала к ежонку и стала своим носом подталкивать его к веранде. Малыш сопротивлялся, но ежиха,

ворчливо фыркая, настойчиво подпихивала его к родному гнезду.

Мое уединение прервали звонкие детские голоса...

— Бабушка, познакомься, это мой новый друг Лёха. Он никакой не дачник, он здесь живёт и про всё знает, а вообще мы только зашли попить и едем дальше! — протараторил Миша. — Лёш, это моя бабушка, я ж тебе говорил, она дачница...

Оба мальчика покраснелись от велосипедных гонок, которые затеяли с самого утра.

— Мальчики, проходите на веранду, — пригласила я, — Лёша, ты любишь молоко?

— Что я, маленький, что ли, — солидно ответил Лёша, кольнув меня взглядом.

— А что ты любишь?

— Буртырборды я люблю, — пробасил Лёха, налегая на «р».

— И яблок нам дай! — потребовал Миша.

Я резала колбасу и хлеб, украдкой разглядывая Лёшу. Загорелый, коренастый мальчик, ноги и руки в ссадинах, на голову ниже внука, наверно, ровесник или чуть моложе. Слегка курносый нос, тёмные густые волосы «ёжиком», умные, колючие, карие глаза...

«На ёжика похож...», — мелькнуло в голове.

— Лёша, ты вместе с родителями здесь живёшь?

— У Лёхи нет папы, зато он с бабушкой и дедушкой здесь совсем живёт, — ответил за друга внук.

— У меня нет папы, но я его даже видел...

Затем он, что называется, «взял паузу» и уточнил с вызовом:

— И даже знаю, как его зовут!

А я с горечью подумала, что тоже знаю, как его зовут...

Пропитание, уход, воспитание и образование ежат целиком и полностью ложатся на «плечи» матери, ибо ёж-отец в день рождения детей раз и навсегда оставляет семью. И ещё я подумала, что не только у юных ежат светлые и мягкие иголки со временем темнеют и крепнут. У человеческого детёныша тоже могут вырасти жёсткие и крепкие колючки...

А как иначе спастись от злой вороны или от ястреба, если ты не сын динозавра?

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА

Обзор литературных фестивалей

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

В октябре 2014 года в рамках Всероссийской поэтической премии имени Валерия Прокошина в Москве и Обнинске прошёл фестиваль-конкурс, который учредители намерены проводить раз в два-три года. В ожидании следующего, несколько слов о том, как это было и что представляет собой этот фестиваль. (*Газета Обнинск, №116, <http://www.vperyod.ru>*).

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО: ПЕРВЫЙ СЕЗОН

Новость о создании новой национальной поэтической премии имени нашего земляка Валерия Прокошина, кажется, облетела все самые дальние уголки нашей страны. Её первые лауреаты принимали поздравления, можно сказать, в самой сердцевине творческого пространства великого русского поэта, наследниками которого оказались все мы — в Музее А.С. Пушкина.

Инициатором и главным организатором премии стал Андрей Коровин — координатор Клуба кураторов литературных фестивалей России, многогранный поэт и друг Валерия Прокошина. Благодаря поддержке Общественного народного фронта (ОНФ) этот проект очень скоро получил дальнейшее развитие.

За день до церемонии награждения в Обнинске, где Валерий прожил большую часть своей жизни, состоялся поэтический концерт, посвящённый творчеству поэта и премии его имени. Он прошёл в старейшем учреждении культуры города — Доме культуры ФЭИ.

19 октября в большом зале Дома культуры собрались не только друзья, коллеги и добрые знакомые поэта (Эльвира Частикова, Вера Чижевская, Надежда Коллегова, Вячеслав Черников, Владимир Бойко, Сергей Коротков), но и почитатели его таланта. Приехали члены жюри и представители ОНФ (Мария Ватутина, Герман Власов, Лев Готтельф, Владимир Софиенко, Наталья Костенко); финалисты премии из разных уголков страны (Иван Клиновой, Светлана Чернышова, Борис Гринберг, Анна Матасова, Ольга Шилова, Валерий Архипов, Сергей Попов и др.). Собравшихся поздравил министр культуры, туризма и спорта Калужской области Павел Суслов.

Вечер вёл Андрей Коровин. Умно, лаконично, тонко и искренне. На протяжении всего вечера за воспоминаниями о Валерии Прокошине и его творчестве, рефреном звучала ещё одна важная мысль: о необходимости создания единого поэтического пространства, о помощи нестоличным авторам в продвижении их творчества. Сложный путь в большую литературу Валерия Прокошина и стал отправной точкой для создания премии, которая теперь даст возможность талантливому поэту быть услышанным, где бы он ни проживал. Блестящие выступления всех без исключения — и гостей, и хозяев, и поэтов, и музыкантов — сделали этот вечер по-настоящему незабываемым. Думаю, не последнюю роль в этом сыграло то, что гости посетили один из красивейших старинных городов России — Боровск, а также могилу поэта в Ермолино.

Всё способствовало созданию атмосферы единения. И великолепное исполнение песен на стихи поэта Алиной Симоновой и Сергеем Дворцевым, и замечательный документальный фильм Александра Переверзина, и фотографии из архивов друзей и семьи поэта, запечатлевшие дорогие мгновения жизни Валеры, вызвали взрыв эмоций в зале... плакали даже мужчины.

А на другой день, в Москве, состоялась церемония награждения. Национальная премия! Всероссийская! Кто же примерил сей «алмазный венец»?

Председатель жюри, любимый актёр миллионов советских женщин Вениамин Смехов вручил победителям дипломы и призы.

В номинации «За собственный голос в поэзии» лучшей оказалась Марина Бирюкова из города Саратова, поздравить которую специально пришёл её земляк — Евгений Миронов. «За творческий поиск в поэзии» наградили нашу землячку Ольгу Шилову из Мещовска. А специальный приз «За вклад в развитие поэзии» получила Наталия Мирошниченко (Крым), заведующая Домом-музеем М. Волошина.

Поэт, журналист, участница ежегодных российских фестивалей верлибра, лауреат международных литературных журналов «Дети Ра» и «Футурум АРТ», член Союза писателей XXI века. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая Юность», «Футурум АРТ», «Крещатик», «День и Ночь», «Журнал ПОэтов», «Арион», «Плавучий мост».

Живёт в Обнинске.

Наталья
Никулина

Ну что ж, первый сезон однозначно не был лёгким. Раскачать такую громадину, как Россия, не просто. Но, как-никак на дворе XXI век, и интернет с фейсбуком, поэтическими сайтами и лит-порталами сделали своё дело. Поэты «пошли»... Да так споро, что к началу отбора было прислано больше 170 заявок из 40 регионов нашей страны.

Самое важное, о чём нужно сказать сразу же — высокий уровень работ. Это отметила один из членов жюри, изумительная русская поэтесса Мария Ватутина.

— В этом году было подано мало авангардных работ, — поделилась она своими впечатлениями, — полное ощущение возврата в литературу традиционной поэзии. Жюри начало свою работу уже на заключительном этапе, после того, как основной отбор сделали эксперты. К тому же, многие из конкурсантов публикуются в литературных журналах. И таким образом часть работы за нас уже проделали журналы. Произошёл, так сказать, естественный отбор. Жюри оставалось только определить самого-самого. Это как раз и оказалось самым сложным. У одного автора поэзия чистая, как хрусталь, у другого более сложная, громкая, сильная. Строки одного автора поразили меня лёгкостью игры, свободой, невесомостью, но мудростью речи и религиозностью без надрыва. Очень важно ещё, чтобы автору было что сказать. Это примерно тот самый критерий, по которому можно узнать настоящего поэта и понять, что он «наш» человек. Так же как по стихам Валерия Прокошина можно сразу же признать в нём своего поэта независимо от званий и «лауреатств».

Да, судя по авторам, вошедшим в лонг- и шорт-листы, основная их часть давно и прочно «прописалась» на страницах известных литературных журналов («Волга», «Арион», «Дети Ра», «Новая Юность» и др.). И почти все они пишут стихи традиционной формы. Ни верлибрами, ни заумью, ни каким иным разнообразием стихотворных форм финалисты, вошедшие в короткий список первого сезона, не удивили своих читателей. Даже Гринберг — мастер комбинаторной поэзии, на этот раз выступил с добротной традиционной рифмой. Хорошо это или не очень, покажет время. Но, стоит вспомнить, что сам Валерий был большим экспериментатором!

Если проанализировать выбор финальных работ, то, кроме центральных, довольно основательно представлен сибирский регион: Новосибирск, Красноярск, Барнаул, Екатеринбург и, конечно же, Крым...

Вспоминаю, как три года назад, в 2011 году, когда мы делали первый (как оказалось, пробный) фестиваль Валерия Прокошина, учредителями которого стали московский Булгаковский Центр (руководитель литературного салона А. Коровин), ЦБС г. Обнинска и Союз писателей XXI века, приехавший на фестиваль президент этого Союза Евгений Степанов мечтал поставить бюст Валерию Прокошину перед Центральной библиотекой и назвать это учреждение его именем.

И мы все, разумеется, были «за». И хоть мечта эта казалась нам скорее фантазией, чем реальной возможностью, мы делали всё, чтобы она сбылась. И случилось чудо! Обыкновенное чудо, которое случается, когда очень хочешь и очень любишь.

С тех пор прошло совсем немного времени и... имя Прокошина прочно заняло место в литературе, которое он однажды определил для себя сам — между Пушкиным и Бродским...

А бюсты и именные библиотеки — это всего лишь условность, не более...

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

ПОЭЗИЯ КАК ИГРА — ИГРА КАК ПОЭЗИЯ

Художник Вячеслав Черников

поэт – это божья коровка
у которой
детки – на небке...

литература – тайна
за семью
читателями

О верлибре и верлибристе

БЕЛЫЕ БИНТЫ ПОЭЗИИ КУПРИЯНОВА

Вячеслав Глебович Куприянов — человек фантастической работоспособности, обаяния и таланта. Только в XXI веке в российских и зарубежных издательствах у него вышло более 30 книг.

Легендарный верлибрист — один из основателей поэтической группы «Белый квадрат» и нового поэтического течения в СССР, которое и в то время казалось невидалью, и по сию пору периодически вызывает вспышки полемики и даже серьёзные споры. В своё время (60-е годы) В.Куприянов ввязывался в них, писал, доказывал, объяснял... чему и обязан появлением и множества друзей, и немалого числа идейных неприятелей.

С тех пор минуло много лет, но разделительная полоса, прошедшая между поклонниками свободного стиха и поборниками традиционной поэзии, не исчезла.

А что изменилось в связи с этим в жизни Вячеслава Глебовича? Ничего. Ведь сам поэт с удивительной лёгкостью и неизменным обаянием пишет и верлибры, и рифмованные стихи, и политизированную сатирическую прозу — «Синий халат вселенной или Ваше Звероподобие», и сатирико-юмористический роман о поэте в поэзии — «Башмак Эмпедокла», который начинал писать много лет назад, а доработал лишь в позапрошлом году. Но читаешь его и понимаешь — и сюжет актуален, и главный герой — узнаваем. Впрочем, и в прежнем виде роман пользовался неизменным успехом у истинных ценителей хорошего юмора и «плотного» текста, насыщенного упругой интеллектуальной мыслью и уморительными картинками и образами.

Поэт, переводчик, автор множества прозаических романов, кажется, совсем не замечает времени — молод, активен, всегда готов к диалогу и даже больше. И всё же, на мой взгляд, Вячеслав Глебович в первую очередь поэт. Возможно, мне так кажется, потому что познакомилась с ним впервые как с поэтом, а скорее, как с верлибристом. Одним из выдающихся! С тех пор и считаю, что лучше всего Куприянова как человека можно постичь, читая его верлибры.

Его взаимоотношения с поэзией всеобъемлющи, его поэтическое слово — белые бинты, которыми перевязывают раны измученной человеческой душе. Не потому ли он пишет:

Выдайте поэту белый халат —
маскировочный:
с наступлением стужи

он разведчик, посланный теплом надежды
за языком
подснежников.

И всё же... Чаще всего, рассуждая о поэтах и поэзии, Вячеслав Глебович более философ, чем лирик. Со свойственными ему скрупулёзностью и критичностью ума в стихах, посвящённых поэтам и писателям (Маяковский, Зощенко, Пастернак, Ли Бо, Алексеев, Пушкин, Гомер, Хлебников), он, скорее, аналитик, чем созерцатель, он более пророк, чем соучастник, а зачастую более сатирик, чем сентиментальный современник автора. Эта отделённость, отстранённость присутствует в строках только потому, что «сатирик (юморист) не пишет о близких ему людях». И лишь стихи памяти Бурича и Мандельштама разительно отличаются от них.

Вся страна
Заставлена заборами —
Ни пройти, ни проехать.

Русский писатель, переводчик, один из пионеров русского свободного стиха, верлибра. Член Союза писателей с 1975 г. Член Русского ПЕН-центра. Лауреат Международных премий Италии, Австрии, Сербии, Македонии. Лауреат Бунинской премии (2010), премии им. Маяковского (2012) и многих других. Живёт в Москве.

Вячеслав
Куприянов

На заборах пишет
Поэт Бурич
Отрезанным языком —
.....
Написанное венозной кровью
Почти не отличается
От написанного
Артериальной.

... Еще бы век прожить, и он уже у цели,
Есть место отдохнуть, и где поставить крест.
Озябший Мандельштам весь в пушкинской метели,
«И белый-белый снег до боли очи ест».

Владимир Бурич — друг, соратник, единомышленник («Возлюбим друг друга за единомыслие», Литургия верных), один из тех, с кем начинал и шёл самыми сложными путями поэзии, которые неисповедимы; Осип Мандельштам — духовный двойник, почти брат, отражающий его, как зеркальная поверхность, несмотря на то, что «исповедуют» они разные поэтические системы отсчёта. Именно о них и о таких, как они, пишет поэт:

Выдайте поэту белый халат
он санитар и врач,
редчайший специалист
по выхаживанию души,

единственный,
кто может выправить
переломы
человеческих крыльев.

Не спешите ему сулить
саван
смирительную рубашку.

Выдайте поэту
белый халат:

его труд
требует чистоты.

Анна Ветка,
«Обнинская газета», 2015

ПОЭЗИЯ — ЭТО НЕ ПРОФЕССИЯ, А УЛОВКА

Поэты Владимир Монахов (ВМ) из Братска и Наталья Никулина (НН) из Обнинска взяли «общее» интервью у Вячеслава Куприянова, которое было опубликовано в «Литературной России» (от 10.04.2015). Мы публикуем его с небольшими изменениями.

Н.Н.: Вячеслав Глебович, последние «юбилейные» публикации о вас и вашем творчестве были больше похожи на подведение итогов, которым обычно занимается сам юбиляр. Размышления авторов уважаемых, умных и много знающих, напоминали мне слабую попытку уравнивать вас и остальное поэтическое сообщество в «поэтических» правах. Вспоминалось и о том, что Куприянов мало признан, и редко публикуется (мне лично так не кажется). А что думаете вы по этому поводу? И что для вас важнее: признание или очередная публикация в литературном журнале?

— Признание вещь временная, меня признавало ушедшее поколение, ещё заставшее «серебряный» век (Михаил Зенкевич, Самуил Маршак, Арсений Тарковский), нынешнее относится ко мне с вежливым уважением, самое молодое меня вряд ли знает. Когда моё имя упомянули в учебнике для 11 класса, кураторы из Министерства образования возражали: «мы этого автора не видели по телевидению». Признание ныне понимается визуально. Журнальным публикациям предпочитаю книжные, хотя книги чаще выходят за рубежом. Остаётся важным для себя соотношение уже сделанного и ещё возможного. Тютчев оставил нам своё: «Нам не дано предугадать...» — тем не менее, мы успеваем уловить некий отзыв на своё слово, позволяющий сочинять и выдумывать дальше. То есть сохранять в себе свою важность в мире, не смотря на скудное для поэзии время. Могу ещё напомнить свой верлибр:

Не надо
меня
понимать с полуслова
дайте
договорить

Н.Н.: Если попытаться объяснить что такое верлибр человеку неискушённому или ребёнку, что можно было бы сказать в таком случае?

— Неискушённому взрослому объяснить труднее, чем ребёнку. Неискушённому можно привести пример, а он скажет, что это не стихи, и как ни старайся, такого неискушенного ничем не прошибешь. Как-то в каком-то телевизионном шоу явно неискушенная песенница Лариса Рубальская заявила, что она «не любит верлибр». Таким неискушенным, но незаменимым для телевизионных шоу, нельзя объяснить, что они и то, что они считают стихами, пишут и написано плохо. Не объяснишь этого и их читателям или издателям, которые печатают такие «стихи» рядом с поэзией Пушкина и Маяковского.

А ребенка можно убедить силой примера. Ребенок тоже так может сочинять, но взрослые ему говорят: деточка, стихи, это когда та-та-та и в рифму.

Н.Н.: О верлибре вы пишете столько, сколько он существует в пространстве русского стихосложения, трансформировалось ли с тех пор ваше понимание верлибра?

— Изменилось не мое понимание верлибра, а понимание поколения, например, Данила Давыдов считает, что «жесткий» верлибр Бурича и Куприянова был важен в период отстаивания верлибра в 70-е — 80-е годы. Сейчас появилось много переходных форм, которые мне кажутся либо неряшливыми, либо «прозой в столбик». Но еще в 70-е, Лев Озеров удивился, как я могу говорить о «каноне» свободного стиха, ведь на то он и свободный, что у него не может быть канона.

В.М.: С какими поэтами прошлого и настоящего вы смогли бы прожить на необитаемом острове? Без какого поэта мира и России вы не представляете поэзию? Какая ваша, одним словом, библиотека, забитая надгробьями любимых поэтов, если вспомнить этот ваш верлибр:

*Стихи на бумаге
ничего не значат*

*но кто представит себе поэта
с молотом и зубилом*

кто будет тиражировать камни

*кто представит себе библиотеку
забитую надгробьями
любимых поэтов*

— Если понять вопрос буквально, то остров населённый поэтами скоро снова стал бы необитаемым. Неуживчивая и часто не приспособленная к жизни публика. Среди поэтов настоящего есть хорошие рыболовы, например Игорь Шкляревский, но я не уверен, что он стал бы меня кормить добытой им рыбой. Из поэтов прошлого взял бы — Гомера, эпос которого я бы тогда смог дочитать до конца, возможно даже в новом переводе Максима Амелина. Если опять-таки сбросят с корабля современности Пушкина, и он доплывёт до моего острова, то, конечно, надо будет спасать Пушкина. Если говорить о любимых книгах, то, к сожалению, для них у меня дома давно уже нет места. Я напоминаю себе сейчас одного старого эсера, которого я посетил в прошлом веке: вся комната была заставлена книгами, на одной из книжных полок он спал.

Н.Н.: Если говорить более серьёзно, то Ваша дружба с Владимиром Буричем известна всем. А есть ли у Вас ещё близкие друзья? И кто они?

— Бурич был соратником, это даже больше, чем друг. Мои друзья в большинстве своём были старше меня, и Бурич (грустно видеть, как его забывают!), и академик Ю.В. Рождественский, который был моим учителем и самым большим другом. Он ушёл из жизни в 1999 году, и без него вся реформа образования пошла не туда, против самой русской культуры. В Тюбингене умер мой друг, культуртрегер Йорг Бозе, бывший председатель общества Запад-Восток, и культурная немецко-российская дружба скукожилась до редких официальных встреч. Внезапно умер Сергей Гончаренко, с которым мы намеревались создать кафедру художественного перевода в Ин-язе. Теперь её не будет. Многих уже нет. Сейчас дружба ушла в необязательный интернет, где с тобой могут «дружить» даже те, кого никогда в глаза не видел, и порой «дружить» так, что лучше им на глаза не попадаться. Другом остаётся моя жена Наташа Румарчук, которая тоже пишет и с трудом, но терпит мою писанину.

Н.Н.: Однажды на одном из вечеров в Обнинске вы читали верлибр о клиповом сознании. Эта тема волнует вас на самом деле. В чём его вина перед, так сказать, сознанием пробуждённым? И чем страшно клиповое мышление и сознание?

— Не то, чтобы оно страшно, но в нём хочется разобраться, ибо оно нас настигает. Об этом была моя статья «Поэзия в свете информационного взрыва» — 1975 года, перепечатанная снова, как дополнение в моём романе «Башмак Эмпедокла», который тоже — о клиповом поведении. Весь наш мир вокруг пугает нас нашими собственными отражениями. Клип это — нас принижающий обман! Он старается перепутать в нашем сознании добро и зло, истину и ложь, красоту и безобразие. В поэзии эта спутанность может выдаваться за сложность, в лучшем случае автор становится рекламой самого себя. Типичный клиповый деятель — это Евтушенко, провозгласивший для себя соответствующий лозунг: «больше, чем поэт»... Клип добавляет к нам нечто, уводящее нас от нашей сути, вычитает из нашего поведения нравственность и разрушает цельность нашего мира. Потому появляется «Перформенс», когда вы «украшаете» чтение стихов приправой музыки и ещё какими-то фокусами. Таков клиповый принцип шоу-бизнеса: кто-то поёт (возможно и не сам, или «под фанеру»), но едва ли не важнее самого пения показ обнажённых частей тела с соответствующими движениями, мельтешение световых эффектов и т.п. Потребитель такого действа не может уже сосредоточиться на одинокой книге, ему нужен «шум». Ему понятнее комиксы. Теряется «правильное сосредоточение». Но об этом лучше посмотреть мою статью «Кляп клипа» в последнем номере «Литературной газеты» за прошлый год.

В.М.: Если бы судьба не сделала вас поэтом, то чем бы вы захотели заниматься в жизни?

— Не знаю, чего было больше в этом выборе; судьбы, упрямства или просто лени. В детстве мечтал стать моряком, поступил в морское училище, но морского офицера из меня не вышло, хотя именно здесь повернуло к поэзии. Академик Ю.В. Рождественский бранил меня за то, что я не хочу преподавать, имея в виду филологию. Вадим Кожинов как-то даже набросал для меня тезисы для диссертации, которую мне следовало защитить в Институте мировой литературы. Они были правы: со временем оказалось, что поэзия — это не профессия, а уловка в советское время, ещё меня спасал перевод, а в наше время она равносильна бродяжничеству и попрошайничеству. Но теперь жалеть поздно. Хотя успел ещё почитать лекции о поэтике на факультете искусств в МГУ.

В.М.: Удаётся ли вам зарабатывать литературой? Хватает ли современному поэту вашего уровня денег на жизнь? И как вам удаётся так много ездить по миру?

— В прошлом удавалось, я много переводил, не только с известных мне языков, но «дружил» с поэтами Закавказья и Прибалтики. За переводы платили более, чем прилично, мои книги с 1980 года тоже пошли плотно. В 1991 профессию литератора отменили и восстанавливать не спешат. При выходе на пенсию тот заработок, с которого я платил налоги, оказывается, не учитывается, стаж после упомянутого 1991 тоже не учитывается, званий я не имел, и, как у многих коллег, дали заслуженный минимум плюс надбавку при условии, что не буду писать. То есть — пиши, сказали, но только в стол, так и сказали с милой улыбкой. Сейчас авторов приучили публиковать за свои деньги, что, кстати, весьма нивелировало литературу. Редкие гонорары смехотворны и в то же время преступны: есть такое положение: «нанесение ущерба». Если в какой-то месяц чудом выпал гонорар, то снимается ежемесячная надбавка, хотя гонорар, как правило, меньше её. Это значит, что фактически автор не имеет права на избранные произведения, на собрание сочинений. Пользуясь случаем процитировать из ответа заместителя мэра в Правительстве Москвы президенту Русского ПЕН-Центра А.Г. Битову: «...пенсционер-писатель, продолжающий творческую дея-

тельность или получающий гонорар за ранее изданное произведение, не может не быть неработающим». Если счесть эту правительственную фразу грамотной, то писатель вообще не может быть пенсионером, даже если он скрывает от народа своё творчество. А по другому закону после смерти писателя его не творческие наследники имеют право на гонорары покойного. Когда законы диктует чернь, творчество не поощряется, а преследуется. Такова «взрослость» творческого человека, ему указывают на его никчёмность. Это состояние смыкается с политикой в области образования, когда изымается его гуманитарная часть, более других располагающая к свободным искусствам. Вероятность захотеть стать писателем для юного человека минимальна. Круг замкнут!

В.М.: Есть у каждого поэта любимое стихотворение, иногда, может, даже не оценённое читателем, но автор им дорожит, какое у вас?

— Любимых у меня нет, стихи должны быть уместными, чтобы их цитировать, достойными, чтобы их перечитывать, живыми и живучими, чтобы их вообще прочитали. Я приведу одно, которым мог бы с благодарностью к вопрошавшим завершить наш разговор: («Урок анатомии»):

Простите
ученики
но из моего скелета
не выйдет
хорошего наглядного пособия

Ещё при жизни
я так любил жизнь и свободу
что взломал свою грудную клетку
чтобы дать волю сердцу
а из каждого ребра
я пытался
сотворить женщину

Голову ещё при жизни
я ломал
над вопросами жизни

Какой уж тут
череп

Память

О ВАЛЕРИИ ПРОКОШИНЕ

*Провинция не всегда отставала от столиц во вред себе.
Иногда в период упадка главных центров
глухие углы спасала задержавшаяся в них
благодетельная старина.
Борис Пастернак*

Он был клёвый, Валерка. С ним не соскучишься. Хотя, присмотришься — ничего особенного: разговор простецкий, темы не вселенские, особого изящества в рассуждениях нет, одевается как все вокруг — ни тебе шарфика на шее, ни яркой рубашки... многие и «купились» на это: маечка, джинсы, движения суетливые, сумка на левом плече. Я сумку на правом плече ношу — было удобно идти рядом с Прокошиным, разговаривать — сумки не мешали.

О чем говорили: о ценах в магазинах (начало 90-х), о детях, их успехах и капризах («Маруся заболела, надо лекарство купить. Здесь нету, поеду в Балабаново...»), о проблемах на работе («На лето удалось устроиться дежурным электриком в пансионат. Там хорошо — ночью сидишь, никто не отвлекает...»). А то прибежит с новой идеей: «Я к тебе на минутку — в Обнинске газета новая появилась («Вы и мы»), я там уже был. Не хочешь им шапку нарисовать?» Я всегда хотел, ехал, знакомился — с ним это было легко и просто: «О, Прокошин пришел!» — как будто и ты уже всех знаешь, сразу в водоворот дел, заданий увлекают... Он уже с Сергеем Коротковым или Евгением Еремеевым судачит... Хорошо!

Конечно, говорили и о поэзии. Именно от Валеры я услышал о Кабанове, Кенжееве, Лиснянской, познакомился с современной поэзией москвичей, киевлян, питерцев, сибиряков... Но чтобы о высоком разговаривать, о проблемах творчества — нет, этого не было. Мы тогда наивно полагали, что проблем этих нет и быть не может, кроме одной: как все, что наработано, показать людям. Проблема эта была серьезной, но технической и особых поводов для пессимизма не вызывала. Ну, нет доступа в толстые столичные журналы, зато есть газеты, а в газетах друзья-товарищи и те газеты читаются в районе всеми, значит конкретный адресат известен и будут отзывы на улицах: ну, Прокошин, молодец!

А чего еще надо!

Как-то очень рано поняли, что не в воспитании человека смысл искусства: кого и чему оно научило, если не переводятся подлецы и бюрократы, хамы и мошенники. Если продолжают войны, голод, страдания...

А в чем смысл?

А в воспитании и развитии своей собственной души. Мы не можем осчастливить этот мир своей картиной или поэзией, но душа наша мгновенно откликается на то, чем мы занимаемся. И каждая новая работа над картиной или стихотворением становится ступенькой этого становления. Душа обретает непередаваемую чуткость и помогает в совершенствовании твоих следующих картин, стихов, музыки... Наверное, каждый, кто занимается творческими делами, ощущал это на себе.

Потом радость — списанную в редакции печатную машинку «Ятрань» приобрел. Главный редактор районки Людмила Аникина разрешила забрать. Осваивал недолго — приносил свежееотпечатанные листки и оказывалось, что такой знакомый, смешливый и простецкий Валерка знает о жизни такое, о чем мы и помыслить не могли.

Классические строки Ахматовой о стихах из сора мы все знаем, но вот как использовать, как увидеть и, главное, как зафиксировать, какими средствами...

«Зачем я так видеть и слышать могу» — это Прокошин еще 80-х, помните? Многие поэты отмечали эту одновременность радости и страдания? Может это и есть признак истинного таланта?

Художник-график, иллюстратор, дизайнер. Оформил более двухсот литературно-художественных изданий, в том числе, все прижизненные книги В. Прокошина. Автор двух книг. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Флорида», «Георгиевский крест», «Кораблик». Графические работы выставлялись в Москве, Калуге, Обнинске, Боровске. Друг Валерия Прокошина с юности. Живёт в городе Ермолино Калужской области.

Вячеслав
Черников

Он умел сказать о простых вещах так, что обыденность исчезала. Просто жизнь, вся эта суетливая мелкая круговерть, на которую внимания не обращаешь, разве поскулишь тихонько, что опять не хватает времени на творения высокие, вся эта жизнь оборачивалась подлинным искусством и невероятной глубиной. Откуда? Почему? Из какого такого воздуха? Да вот из того же, каким и мы дышим. Из пустоты и суеты. Обычный день, событие, случай, выраженный словом у Прокошина становился значимым, материальным, важным...

Не удержусь и процитирую полностью предисловие первой калужской книги Прокошина «Боровск. Провинция», которое написал вопреки своему правилу не писать предисловий к издаваемым им книгам, замечательный поэт и издатель Владислав Трефилов потому, что это, во-первых, первая профессиональная рецензия на его творчество, а во-вторых потому, что она, на мой взгляд, очень точно соответствует тому, о чем я пытаюсь сказать.

«Что такое поэзия?

Как, каким чудом возникает она ниоткуда, словно сознание, словно жизнь, или вдруг неуловимо исчезает неизвестно куда? Отчего все-таки иногда, каким-то наитием случайное творится таинство и будничный мир преображается?

На эти вопросы нет ответа, но задаешь их себе снова и снова, когда держишь в руках эту книжку.

А из памяти сами собой выплывают строки, давно ставшие классикой: «Когда б вы знали, из какого сора, // Растут стихи, не ведая стыда, // Как желтый одуванчик у забора, // Как лопухи и лебеда...»

Вся эта книжка, и стихи, и поэтическая графика ее, выросли вот из такого «сора», — «на радость вам и мне».

Тут «заборы насквозь проточены, // Приглядишься, а там, внутри: // Одуванчиковые обочины, // Лопушиные пустыри...»

Тут «по осени улицы тонут в грязи», «лошадь тащит повозку, как плуг, // Прижимаясь к обочине ближе», и «лишь гремят про человечность // Бездомные товарняки», — все это тут, и все это называется провинцией.

Но странная, казалось бы, штука: провинция предстает перед нами не только ничуть не идеализированной, а наоборот, — подчеркнуто убогой, однако ощущения убожества ее не возникает. Больше того, провинциальные картинки кажутся милыми сердцу, хотя любовь к ней декларируется лишь изредка, в крайних случаях: «Я люблю тополя, их болезненный вид», или:

Я люблю с гиблым запахом эти места,

С непонятым уродством карнизы,

Где рукой до земли

И рукой до креста —

Две моих не сложившихся жизни.

Вот эта любовь, мудрая и смиренная, живущая в душе несмотря ни на что, всепрощающая любовь, — она и есть настоящая, данная свыше. Такую любовь называют космической.

Космос — как духовное начало и продолжение земной жизни — органично цементирует образ этой книги, являясь ее неотъемлемой частью не в качестве поэтического антуража, а как необходимая насущность. То там, то тут возникают то оградка, то свеча, то разом расцветающие церковные маковки, то монастырский закат, то церквушки, — потому что испокон века на Руси «провинция — библейские места, // Тысячелетье варварства и чуда».

Космос проявляет себя, как бы сгущая время и пространство, переводя сущее в другое измерение: «Мне кажется, здесь был когда-то дом, // Который долго рушился потом», // И разрастался вглубь, и вверх, и вишь // Мой монастырский утренний пустырь», // На стенах отпечатки дней храня, // Узоры пальцев смотрят на меня», // И словно капля клея, сохнет день, // Меня вжимая в собственную тень».

Неживое становится живым, чувствующим, говорящим:

И почти совсем без сил

Оседают пыль и пепел.

Что-то колокол спросил...

Что-то колокол ответил.

Так возникает ощущение вечного, ощущение высшего, ощущение божественного, потому что талант всегда только от Бога.

В. Трефилов»

«Мысль изреченная есть ложь» — очень верно — так я и ощущаю. Все мемуары, воспоминания — художественный вымысел. Нельзя пересказать жизнь во всей ее многогранности чувств, ощущений, мыслей, поступков, дел...

Когда-то Вера Чижевская, говоря о книге Валеры «Боровск. Провинция», признавалась: увидела название и подумала, что опять будет умиление старыми двориками, домами... Знаю, мол, я эти дворы, специально ездила в Москву посмотреть воспетый Арбат — грязно, затхло, темно... разбитые скамейки, обшарпанные двери подъездов... Что там может быть хорошего?» Резонные сомнения для тех, кто в этих дворах не рос, для кого эти обшарпанные стены не являются памятью Детства.

Провинция, как известно, — это место, откуда хотела бы сбежать добрая половина населения нашей страны (так думают не только столичные жители). Провинция — это понятно что — неудавшийся старт. А Прокошину это было непонятно совсем. Старта не было. Писал стихи, размышлял, понимал, что в столицах публикации не реальны, но зато здесь, в Боровске, Обнинске, Калуге, все зависит только от тебя самого.

Валерка никуда не хотел сбежать. Андрей Коровин, позже сказал всем, что и не надо.

Провинция сегодня уже не столь изолированное от литературных процессов место, как было всегда. Телевидение, интернет, мобильная связь, современные средства передвижения сделали даже такую огромную страну как наша единым пространством творческих людей. Я ощущаю это.

«Знаешь, заметил, что стихи публикуются мгновенно, если к ним приложить иллюстрацию. Нарисуй что-нибудь вот к этому стихотворению, я завтра забегу», — предложил он однажды. Так и пошло: он приносит стихи — я рисую — он публикует.

Пришел радостный — купил мыльницу цифровую. Фотографией увлекался давно: еще пленочной. Была у него и фотокамера широкопленочная, а вот фотоувеличителя не было. Пленки складировались до лучших времен. А теперь принес мне эту фотокамеру — нужна? Я увлекался слайдами: на широкой пленке они получались особенно впечатляющими. Камера эта у меня до сих пор — вещественная память о Валере.

А он к стихам стал делать еще и фотографии.

Прокошин фотографировал все: балабановский рынок с пешеходного моста, водителя маршрутки, пацана на Гысовке (горка в Ермолино), свалку во дворе, бабушек (назвал этот цикл «Уходящие старухи»)... Сделал целую серию фотографий из Ермолинского Дома ребенка, где воспитывались малолетние (до двух лет) дети-инвалиды. Эта тема обездоленности была ему особенно близка: мы сделали буклет на эту тему и фоторепортаж в спецвыпуске районной газеты, но Валера еще не раз писал и делал телерепортажи об этих малышах. В его силах было лишь напомнить обществу о них, а вот как вернуть здоровье, как сделать жизнь этих детей хоть немного счастливее и радостнее?

В начале 2000-х стал фотографировать бабочек. Гонялся за ними в любую свободную минуту. Где эти фотографии сейчас, не знаю. Чуть позже появились и стихи о бабочках и мотыльках.

Прочитал, что «Русское кладбище» — это одна из вершин зрелого Прокошина. Сравните, говорят: вот ранние стихи (цитата), а вот «Русское кладбище». Чувствуете насколько глубже, пронзительней... Понимаю, хочется все разложить по полочкам и привести к привычной норме — сначала все получается похуже, потом мастерство растет и только затем появляются шедевры. Но парадокс в том, что этот цикл был написан Прокошиным уже к 1993 году, через 3 года после самой первой книги «Поводырь души», а два стихотворения из этого цикла были опубликованы уже и в первой книге. Нет, все сложнее и непредсказуемей.

Почти все его циклы (а Валера писал именно циклами) появлялись лично для меня неожиданно. Вдруг увлекся детскими считалками. Он их собирал, сочинял... Потом опубликовал небольшую заметку о детском дворовом творчестве. И все, как отрезало. Появилось увлечение хайку. Что он мог

прочитать о них, не знаю, но чутье у него было удивительное: тонкие, чувственные его эксперименты в этой области воспринимаются как совершенное творение мастера, отшлифованное многолетним творчеством.

Помню, как радовался он приобретению первого своего компьютера — подарок Людмилы Киселевой: «У меня теперь есть выход в интернет, будем переписываться...». Компьютер был слабенький, только для текстов, интернет подключался через модем и телефон, компьютер постоянно зависал, связь обрывалась... Нет, полноценного общения не получалось. Но поэтический горизонт расширился — появились публикации в ЖЖ, Сетевой словесности, первые приглашения в Москву, в Киев... Это была высота, которую стоило осваивать и Валера писал по ночам письма, собирал подборки стихов для публикаций, советовался, читал отзывы, писал рецензии... Творчество выходило на новый уровень.

— Как пишется онлайн, — спросил он как-то, — вместе или отдельно?..

Это рождался цикл «Мать-и-матрица», которую Андрей Коровин назвал первой поэмой об интернете, и Прокошина интересовала терминология, нюансы, названия клавиш...

Его творчество выходило на новый уровень, становилось многогранней и глубже, тоньше и непредсказуемей. В интернете о нем стали писать, цитировать, спорить... А Прокошин уже горел новыми планами, поездками, книгами. Он становился переводчиком жизни на язык поэзии и темы для творчества роились вокруг него.

«Я последний романтик века»... — сказал о себе Прокошин в конце 80-х, не предполагая, что это эпитафия себе уходящему. Романтизм закончился с выходом первой книги. Но его поэзия тогда только начиналась. И она уже не закончится никогда.

нагрешил, говорит, не глядя, мол, все заповеди нарушил
даже те, говорит, которые и писать было запахло
свет, горевший внутри стекла, обжигает теперь снаружи
тьма мешается под ногами, молча дергает за подол

нагрешил, повторяет, сука, мол, поймал, говорит, с поличным
и показывает, мол, fuck you и прикуривает от свечи
и стою голышом, как в детстве, пожимаю плечом по-птичьи
прижимаю нательный крестик — он же сам меня приручил

нагрешил, говорит, с лихвою, поколений, примерно, на пять
не отмыться, не отстираться, не отмазаться одному
свет, скользящий поверх стекла, выжигает напалмом память
серафимы стоят в прихожей, безразличные ко всему

нагрешил, говорит, и баста, собирай, мол, свои манатки
и ступай типа по этапу, отправляйся, куда скажу
и идут эти трое следом, наступая почти на пятки
свет, горевший внутри меня, льется сваркою по этажу

Валерий Прокошин
(из книги «Ворованный воздух»)

Наследие

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ

Сад осенний, сад вишневый, сад больничный —
То ли Чехов, то ли Бунин&Толстой.
Разговаривать о Боге, как о личном,
С пожилою, некрасивой медсестрой.

Вдруг сравнить себя с собакою на сене —
Между ангелом и бесом... А вокруг
Сад вишневый, сад больничный, сад осенний
По библейски замыкает ближний круг.

Вот и бродишь в нем почти умалишенный
С продолжением истории простой:
Сад больничный, сад осенний, сад вишневый —
Гефсиманский, год две тысячи шестой.

Боль и страх перемешались,
Явь и сон переплелись.
Января шальная шалость,
Медсестер бессонных жалость
Вдруг в меня перелились.

Бред бродячий, дух сиротства,
Дух скитания во тьме.
Призрак страшного уродства
То сплетается, то рвется
В разыгравшемся уме.

Жить бы, жить, не зная муки,
Жить! А там, глядишь, весна.
Но в огне лицо и руки,
И душа в разгар разлуки
Все выпрашивает сна.

Бред собачий, звуки, лица...
Все смешалось в липкой тьме.
В переполненной больнице
Всем одно и тоже снится,
То же самое, что мне.

РЕЦЕПТ

Ларисе Курсовой

Итак: преднизолон, ранитидин и но-шпа,
И капельницы плач, и редкий снег в окне,
А по утрам тошнит, а вечером так тошно,
Как будто жизнь стораает на медленном огне.

Итак: рентген груди, потом — бронхоскопия.
Под подозреньем все: и сердце, и душа.
По венам яд течет, страшной, чем ностальгия,
И пахнет спиртом кровь под лезвием ножа.

Итак: девятисил, ромашка и фиалка —
Все выпито до дна из Чаши “Общепит”.
Душа летит на свет. И ничего не жалко —
Душа на свет летит...

Больничный сад почти совсем заглох.
И все сплелось: и место, и причина,
И волхв залетный, и летящий лох,
И ангел перелетный — made in china.

Летит листва на грязный тротуар,
И дети вновь играют в чьи-то игры:
И гонят прочь волхва, кричат ура,
Не зная, что уже приехал Ирод.

Но все сплелось: и век, и лох, и сад,
И свет звезды, и ангельское слово,
Как два тысячелетия назад.
Ничто не вечно и ничто не ново.

Валерий Прокошин (1959-2009). Русский поэт из плеяды “дикороссов”, талантливый прозаик. Лауреат премии им. В. Берестова, дипломант международного Волошинского конкурса, лауреат областной премии им. М. Цветаевой. Автор трёх поэтических сборников и книг для детей. Опубликовано в журналах «Дети Ра», «Футурум Арт», «Флорида», «Новый мир» и др. В 2014 году учреждена Всероссийская поэтическая премия именем Валерия Прокошина (Прокошинская премия).

Жил в городе Обнинске, похоронен в Ермолино.

Валерий
Прокошин

Мне холодно, мама. Январь
Безумствует, всеми забытый, —
Сжигает земной календарь
Недавно прошедших событий.

Теперь, после стольких потерь,
Вся здешняя жизнь — нелюдима.
Оскалилось время, как зверь,
В сугробе табачного дыма.

Теперь только маковый бред
Сжимает бессильное сердце...
Мне холодно, мама. И нет
Такого тепла, чтоб согреться.

АВГУСТ

Лето катит последние вроде недели,
Вот и Яблочный Спас отслужили, отпели.

Август бродит в садах, а дожди — стороною,
Яблок в этом году, будто перед войною.

Но я чувствую вечную жизнь пуповиной,
Мне б дожить до шестидесяти с половиной.

Яблок вкус соблазняет до райского хруста,
Слово может быть вещим, — считал Заратустра.

В этом мире, где все хоть чуть-чуть виноваты,
Слово может менять даже судьбы и даты.

Пусть все так же сгорают закаты рябиной,
Мне б дожить до шестидесяти с половиной.

И я в первую очередь и даже в третью
Все пытаюсь себя оправдать перед смертью.

И хочу передать на хвосте у сороки:
Что для вечности наши ничтожные сроки.

Ночь сочится сквозь узкие щели в заборе,
Тишина и покой на российском Фаворе.

Скоро осень, и кажется: что еще надо?
Август смотрит, как из Гефсиманского сада.

говорю тебе пока мы налегке
говорю тебе на птичьем языке
до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
ну, зачем нам разоренное гнездо
пусть лежат как письма в стране глухих
эти сломанные прутья ольхи
наша родина теперь в другом краю
на чужбине штат айдахо говорю

а в россии пусть страдают от любви
от любви неразделенной воробы
говорю тебе не спорь и не суди
море лаптевых осталось позади
льется речь моя отравленной водой
до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
мы летим уже над стиксом говорю
я люблю тебя... и я тебя люблю

ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ

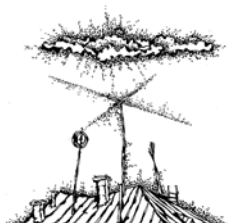
вот те Бог, он сказал и кивнул то ли вверх, то ли просто вбок
вот порог, он добавил, ступай. И я шагнул за порог
я дышал ворованным воздухом — и надышаться не мог

я не мог говорить — я боялся, что мимо спешащий Бог
попрекнет ворованным воздухом, взятым как будто в долг
что ему все эти тексты, фразы, слова, или даже слог

я боялся Бога — Он был справедлив, но капризен и строг
я молчал все утро, весь день и весь вечер, я падал с ног
и ворованный воздух, сгущаясь, чернел, превращался в смог

ночь упала плашмя у ног, как непрожитой жизни итог
итога: ворованный воздух гудит в проводах вдоль дорог
все напрасно, Господи, слышишь?.. Слышит, слышит — на то и Бог

не воруй, говорит, даже воздух, добавил. А сам-то, сам
то и дело шепчет, я слышал, вздыхая: сим-сим, сезам
видно, трудно ему не дышать, привыкая к чужим слезам

Региональный журнал

ЛиФФТ

объявляет конкурс

**на лучшую цитату (можно хокку или катрен)
о поэзии и литературе.**

Произведение, победившее в конкурсе украсит
колонтитул рубрики «Школа литературного мастерства».

Произведения присылать по адресу:

nataljanikulina@yandex.ru

Письмо пометить:

Школа литературного мастерства.

